

© Л. В. Соколова

«Я НЕ МОГ БЫТЬ ЗРИТЕЛЕМ РАВНОДУШНЫМ...»

(К 220-летию со дня рождения К. Ф. КАЛАЙДОВИЧА)

Константин Федорович Калайдович — один из «колумбов российской древности», археограф, палеограф, нумизмат, исследователь древнерусской и славянской письменности, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1825 года). Он был деятельным членом Общества истории и древностей российских (далее: ОИДР) и Общества любителей российской словесности (далее: ОЛРС), учрежденных при Московском университете (с 1811 года), Румянцевского кружка (с 1817 года); сотрудником (с 1817 года) и главным смотрителем (с 1822 года) Комиссии по печатанию государственных грамот и договоров при Московском архиве Коллегии иностранных дел; членом Санкт-Петербургского Вольного общества любителей словесности (с 1822 года).

Главными источниками биографических сведений о К. Ф. Калайдовиче являются документы из его архива, в том числе дневник ученого 1814 года, опубликованный после его смерти,¹ а также бесценные работы его биографа П. А. Бессоно-

¹ Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича (1814) // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1861. Т. 3. Отд. II: Материалы. С. 81—116.

ва, написанные на основе документов из архива ученого с публикацией во второй работе многих из них.² К сообщениям Бессонова было сделано позднее лишь два уточнения в заметках И. Еф.³ и Н. Сушкова.⁴ Сведения о жизни и научной деятельности Калайдовича содержатся также в его обширной переписке с деятелями того времени.⁵

Калайдович родился 19 мая 1792 года в семье полкового лекаря, обедневшего дворянина хорватского (далматинского) происхождения,⁶ надворного советника Федора Дмитриевича Калайдовича (1742—1819), до 1799 года жившего в г. Ельце, а затем переехавшего с семьей в Москву и служившего лекарем при Московском университетском благородном пансионе (в 1812 году в эвакуации он — адъюнкт в Казанском университете). П. А. Бессонов местом рождения К. Ф. Калайдовича называет Елец. Существует, однако, свидетельство, что Калайдович родился в Киеве.⁷

Начал обучение Константин Калайдович в Елецком народном училище, продолжил его в Киево-Могилянской академии, а после переезда семьи в Москву с 1799 по июль 1807 года «на своем коште» учился в гимназии Московского университета. В 1807—1810 годах он был студентом словесного отделения Московского университета, по окончании которого получил звание кандидата словесных наук. В университете Калайдович изучал греческий, латинский и французский языки, слушал лекции по всеобщей и российской истории и хронологии, красноречию и поэзии, статистике, философии, теории гражданских и уголовных законов, политической экономии, геометрии, тригонометрии, алгебре и др. Увлечения его в уни-

² Бессонов П. А. 1) Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк // Русская беседа. 1860. Кн. 2. Отд. «Биография». С. 1—50 (подпись: П. Б.); 2) Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича и особенно для изображения ученой его деятельности // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее: ЧОИДР). 1862. Кн. 3. Отд. I. С. 5—208 (далее: Бессонов. Материалы); отд. изд.: Бессонов П. А. Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк. М., 1861—1862. Кн. 1—2.

³ См.: И. Еф. [П. А. Ефремов?] Библиографическая заметка к «Материалам для жизнеописания К. Ф. Калайдовича» // Наше время. 1863. № 15. 19 янв. С. 60. В заметке указывается уточненная по некрологу в газете «Молва» дата смерти К. Ф. Калайдовича, а также перечисляются известия, касающиеся ученого и его семьи, опубликованные в других номерах «Молвы».

⁴ Сушков Н. Еще библиографическая заметка // Наше время. 1863. № 32. 13 февр. С. 128. Автор заметки указал на то, что П. А. Бессонов ошибочно приписал Калайдовичу находящиеся в его архиве два стихотворения С. М. Соковнина.

⁵ Переписку К. Ф. Калайдовича с разными лицами см.: Бессонов. Материалы. С. 5—208; Письма Калайдовича к прот. Григоровичу и письмо Григоровича к Н. П. Румянцеву с упоминанием Калайдовича см.: Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым // ЧОИДР. 1864. Кн. 2. Отд. I. С. 54—57 (прим. 25); Письма Н. М. Карамзина к К. Ф. Калайдовичу см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 444—450, 176—186; Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 год включительно). Воронеж, 1870. Вып. 2. С. 53, 54, 60, 78, 97—98, 90, 101; Письмо К. Ф. Калайдовича к преосвященному Амвросию [Орнатскому] (Сочинителю Истории российской иерархии) // Русский архив. 1869. Вып. 10. Стлб. 1715—1717; Переписка А. Х. Востокова // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. 30—34, 36—41, 42—48; Барсуков Н. 1) Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878 (по указ.); 2) Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1891. Кн. 1—4 (по указ.); Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными / С предисл., прим. и указателем Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1882. Кн. 1 (по указ.); Письма В. С. Сопикова к К. Ф. Калайдовичу / Публ. И. Шляпкина // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1883. Т. 45. Приложение № 2. С. 1—28; отд. изд.: СПб., 1883; Два письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву (1822 и 1825) из собрания РГАДА (Ф. 17. Д. 50 доп.) см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1985. С. 165—167; Переписка К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева (1816—1818) / Публ. и вступ. статья Т. В. Андреевой и В. П. Козлова // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1987. Вып. 46. С. 137—176.

⁶ По преданию, Калайдовичи переселились в Россию из южнославянских пределов во время правления императрицы Елизаветы (1741—1761).

⁷ Об этом сообщается в надписи на его надгробном памятнике. См.: Новые сведения о К. Ф. Калайдовиче // Библиографические записки. 1892. № 5. С. 354.

верситете были довольно разнообразны. По воспоминаниям одного из сотоварищей Калайдовича по университету, «дух любознательности обнаруживался в нем еще в юности, все возбуждало в нем любопытство». Он интересовался ботаникой и минералогией, составил гербарий и создал энтомологическую коллекцию насекомых; в 1810 году по рекомендации проф. И. Э. Фишера Калайдович был принят в члены Императорского Московского общества испытателей природы. Интерес к естественным наукам сочетался у него с увлечением археологией, историей, нумизматикой. Огромное влияние оказали на него профессора университета Р. Ф. Тимковский, М. Т. Каченовский, Ф. Г. Баузе, с которыми он не прерывал общение и позднее. Исторической критике, по его признанию, он учился «у великого Шлёцера в его Несторе».⁸ Занимался Константин Калайдович и литературным творчеством. Вместе с братом Петром он издавал рукописный журнал «Русская Муза», в котором помещал свои статьи и стихотворения, принимал активное участие в издании студенческого альманаха «Весенний цветок» (в 1807 году) и еще студентом, шестнадцатилетним юношей, выпустил в свет книжку «Плоды трудов моих, или Сочинения и переводы К. Калайдовича» (М., 1808). По окончании университетского курса молодой человек посетил Троице-Сергиеву лавру и Вифанию,⁹ чтобы взять благословение у митрополита Платона. Калайдович вспоминал позднее, что, будучи в то время «очень молод... пылок и необуздан», он, семнадцатилетний кандидат, вступил в жаркий спор «с сим-то старцем маститым (о дерзость неслыханная!)», пытаясь доказать, что горы Киевские посетил не апостол Андрей, а Андрей Юродивый.¹⁰

По выходе из университета в продолжение трех лет (1810—1812) К. Ф. Калайдович преподавал (без жалованья) российскую историю и географию в Университетской академической гимназии, тем же предметам он обучал в Университетском благородном пансионе, а в самом университете в 1811 году читал лекции по российской истории для чиновников, «обязанных гражданской службой». Тогда же он начинает заниматься наукой, посвятив себя изучению истории и археологии, участвует в трудах московских ученых обществ. В мае 1811 года, представив Обществу истории и древностей российских критический реферат «Замечания на статью князя Щербатова об одной российской монете», Калайдович был принят членом-соревнователем Общества и состоял в нем помощником библиотекаря (М. Т. Каченовского), но уже 19 сентября 1811 года, «уважив отличную любовь и ревность к отечественной истории», девятнадцатилетнего юношу приняли в действительные члены ОИДР. В ноябре того же года Общество одобрило предложенное им издание памятников древнерусской письменности, задуманное как периодическое под общим названием «Русские достопамятности», поручив ему составление и редактирование первого выпуска. В ноябре 1811 года Калайдович был избран в члены-сотрудники Общества любителей российской словесности. Начиная с 1811 года он публикует свои статьи в «Вестнике Европы».

В июле 1812 года 20-летний Калайдович, охваченный патриотическим порывом и благословленный на это самим Н. М. Карамзиным,¹¹ добровольно вступил в Московское ополчение. «Я не мог быть зрителем равнодушным», — писал он издателю «Русского вестника» С. Н. Глинке, когда тот собирал воспоминания и материалы о двенадцатом годе, и признавался, что учился «святой любви к Отечеству» у своих учителей, в числе которых называл и своего «наставника несравненного»

⁸ Бессонов. Материалы. С. 23.

⁹ Здесь имеется в виду пустынь Вифания, которая была приписана к Троице-Сергиевой лавре и находилась в трех верстах от нее (в Вифании находились покои митрополита Платона).

¹⁰ Бессонов. Материалы. С. 10—11.

¹¹ По воспоминаниям Калайдовича, он в то время часто бывал у Карамзина, укреплявшего его на том пути, на который юноша «не смел и не мог еще стать прочною ногою». Прощаясь с Калайдовичем перед его отъездом в армию, историограф сказал: «Если бы я имел взрослого сына, в это время ничего не мог бы пожелать ему лучшего» (Бессонов. Материалы. С. 23—24).

профессора Р. Ф. Тимковского, который не раз повторял слова законов Залевка:¹² «Да не возлюбит никто чужого града более своего Отечества, и да не подвергнется чрез то гневу отечественных богов; такое помышление есть уже начало измены».¹³ Год провел Константин Калайдович на военной службе подпоручиком. Вместе с армией, не раз участвуя в сражениях (под Чириковым, Тарутиным, Малым Ярославцем), он дошел до Орши.¹⁴ Ужасы военного времени, как писал он в письме к родным, глубоко врезались в его сердце и оставили в нем неизгладимые впечатления. Он описывает родным Бородинское сражение, от одного воспоминания о котором «кровь вся хладеет», происходивший на его глазах пожар Москвы, вызвавший в нем сильнейшее потрясение: «я в жизнь мою не чувствовал такого иступления»,¹⁵ пребывание в Орше — «несчастнейшей юдоли плача и сетования»,¹⁶ путь из Орши в Москву вдоль сожженных деревень.¹⁷

В 1813 году во время пребывания его полка в Орше Калайдович, совершая по долгу службы курьерские поездки в Минск, Витебск, Вильно и другие города, собрал и составил краткий словарь белорусского наречия с указанием, где какое слово записано. Для сравнения в нем приводятся слова из церковнославянского, польского, немецкого и латинского языков.¹⁸ Калайдович строил планы написать историю Московского ополчения — «Деяния Московской военной силы», в связи с чем испрашивал у главнокомандующего Московским ополчением графа И. И. Моркова дозволения пользоваться необходимыми документами. Замысел этот не был осуществлен, но в архиве Калайдовича сохранились разные документы по этому предмету: списки служивших, реляции, ордера и др.¹⁹ В 1814 году ученый опубликовал на французском языке и — параллельно — в своем переводе на русский попавший к нему во время военных действий «План Бородинской битвы со стороны французской...».²⁰

В московском пожаре 1812 года сгорел дом Калайдовичей «на Тверской, у Рождества на Палашах», вместе с которым погибла вся библиотека молодого ученого, по его словам, «редкий памятник истории и словесности отечественной»,²¹ минералогическое собрание и собрание древних монет. Сообщая об этом сыну, отец Калайдовича в письме от 17 марта 1813 года пишет: «Советую... тебе не сетовать и не вдаваться в печаль; хотя ты и потерял имение, но по молодости твоей должен с терпением потерю свою переносить... Ежели Богу угодно, Которому с благоговени-

¹² Залевк (середина VII века до н. э.) — знаменитый законодатель города Локры Эпизефирские в Южной Италии; считается автором древнейших писаных законов у греков, направленных на установление нравственного порядка в частной жизни и в общественных отношениях.

¹³ Бессонов. Материалы. С. 23—24.

¹⁴ В 1819 году Калайдович, будучи в чине губернского секретаря, получил медаль, данную дворянству за 1812 год. См.: Бессонов. Материалы. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ В полусожженной французами Орше, где Калайдович находился с 11 ноября 1812 до середины июня 1813 года, свирепствовали инфекционные болезни. К апрелю 1813 года в Орше было сожжено и зарыто более 10 000 тел. Тяжело переболел и Калайдович. В письме от 11 июня 1813 года он пишет: «Дай Бог поскорей из Орши убраться, где я в свою очередь пролежал целый месяц и теперь еще чувствую себя не очень здоровым» (Там же. С. 29—32).

¹⁷ Калайдович пишет родителям из Вязьмы 30 июня 1813 года: «Какие ужасы встречали мы на пути своем! По большому тракту нет ни одной деревни, всегубительный огонь сокрушил их до основания; избегнувшие пламени опустошены были повальною болезнью, и остатки бедствующего человечества поражаемы были голодною смертию» (Там же. С. 32).

¹⁸ Калайдович К. О белорусском наречии // Сочинения в прозе и стихах: Тр. ОЛРС. 1822. Ч. 1. С. 67—80.

¹⁹ РНБ. Ф. 328. Ед. хр. 1, 4—17; Бессонов. Материалы. С. 33—34.

²⁰ План Бородинской битвы со стороны французской, предначертанный в лагере близ Можайска 6 сентября (по н. ст.) князем Нефшательским, Бертье // Сын отечества. 1814. Ч. 18. № 50. С. 192—194.

²¹ Об этом Калайдович написал в примечании к своей статье о типографщике Иоанне Федорове (Вестник Европы. 1813. Ч. 71. № 18. С. 117).

ем всегда угождай, то Он все тебе возвратит и сторицею преумножит... Молися прилежнее Богу, да благопоспешит тебе в твоих предприятиях».²²

Вернувшись в Москву, Калайдович первое время жил у своего учителя и друга семьи М. Т. Каченовского, а потом сменил много квартир. Он поступил на прежнюю службу при Университете и преподавал в Московском университетском благородном пансионе по 1 февраля 1815 года. Возобновилась и его научная деятельность, прерванная войной. Став магистерским стипендиатом, Калайдович в августе 1813 года готовился к экзамену на магистерскую степень, после сдачи которого он ~~издавался~~ (как писал брату) через два месяца «получить и доктора». Однако эти приготовления не имели результатов. Он помещает статьи по русской истории в «Вестнике Европы» и «Сыне отечества», в том числе критические отклики на появлявшиеся в печати статьи коллег. Основным же занятием в 1813—1814 годах для него стало обозрение московских и окрестных библиотек по поручению ОИДР. Он получает разрешение на занятия в Московском архиве Коллегии иностранных дел, Синодальной и Типографской библиотеках, в монастырских и церковных книгохранилищах. Им было сделано множество выписок, заметок, сведений, отчасти нашедших отражение в его опубликованных трудах, а отчасти сохранившихся в его архиве. В этот период жизни, увлеченно работая в библиотеках, Калайдович сделал почти все важнейшие открытия, послужившие основанием для позднейших трудов и публикаций. В 1813 году им открыты творения Иоанна, экзарха Болгарского, Кирилла Туровского, приписка на псковском Апостоле, перекликающаяся со «Словом о полку Игореве», в 1814 году — Евангелие 1144 года. Везение и случай лишь сопутствовали, по выражению В. П. Козлова, систематическому и кропотливому труду при сплошном и тщательном пересмотре всех документов хранилищ. Расширяются и укрепляются научные связи ученого. Он подолгу беседует об истории с Н. М. Карамзиным, общается с Н. Н. Бантыш-Каменским и детьми его, преосвященным Евгением (Болховитиновым), переписывается с графом А. И. Мусиным-Пушкиным.²³ Период 1810—1813 годов был для ученого временем усиленного накопления знаний, ибо в 1814 году он, по словам П. А. Бессонова, «вдруг является перед нами в полном уже вооружении приготовительных сведений и даже глубоких знаний».²⁴

С осени 1813 года Калайдович стремился поступить на службу в Архив Коллегии иностранных дел, при котором в 1811 году по инициативе государственного канцлера графа Н. П. Румянцева была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров. Управляющий Архивом Н. Н. Бантыш-Каменский был заинтересован в привлечении Калайдовича к работе над «Собранием государственных грамот и договоров» (далее — СГГД), однако окончательное решение оставалось за управляющим делами Министерства иностранных дел, медлившим с зачислением молодого ученого в штат. В конце 1813 года Н. Н. Бантыш-Каменский обратился за содействием к Н. П. Румянцеву, ссылаясь на то, что при начатом печатании государственных грамот и договоров требуется человек, «знающий крепко литературу и российскую историю», и рекомендовал на это место «давно желаемого быть при Архиве г. кандидата Калайдовича», который «уже известен по многим историческим и критическим отрывкам в истории», из которых можно видеть «оборотистость ума его». Основанием для столь лестной рекомендации послужило, в том числе, и письмо Калайдовича на имя Н. Н. Бантыш-Каменского со строгим и тщательным разбором вышедшей под его редакцией первой части СГГД. Замечания касались широкого круга исторических и палеографических вопросов, поэтому государственный канцлер граф Н. П. Румянцев, ознакомленный с письмом, принял решение издать его в виде отдельной брошюры.²⁵ В середине января

²² Бессонов. Материалы. С. 31.

²³ Там же. С. 39; Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича. С. 81, 84, 87, 106.

²⁴ Бессонов П. А. Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк. С. 7.

²⁵ Письмо действительного члена Общества истории и древностей российских К. Ф. Калайдовича к Н. Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и до-

1814 года от Н. П. Румянцева пришло письмо с согласием взять Калайдовича на службу, но смерть Н. Н. Бантыш-Каменского, последовавшая 20 января 1814 года, помешала довести дело до конца. В марте 1814 года ходатайство о зачислении Калайдовича в Архив повторил новый управляющий Архивом А. Ф. Малиновский. Однако когда разрешение от обер-секретаря Коллегии было получено, сам Калайдович письмом от 9 марта 1814 года на имя А. Ф. Малиновского попросил исходатайствовать отсрочку его определения к Архиву для успешного окончания дел в Университете и по Обществу истории и древностей российских.²⁶ Последовавшие затем в его жизни драматические события надолго отложили зачисление его в Архив.

В конце 1814 года Калайдович отправился в научную экспедицию по Владимирской губернии. В начале января 1815 года он был задержан в г. Коврове тамошней полицией, у которой при этом вызвал подозрение предъявленный им документ — «открытый лист» за подписью и печатью председателя Общества истории и древностей российских П. П. Бекетова.²⁷ Предъявленный лист, по донесению владимирского губернатора московскому обер-полицмейстеру, был «писан, подписан и скреплен одной рукою и, кажется, весь самим им Калайдовичем составлен». Вызвала подозрение и печать, скреплявшая документ. Дальнейшее легкомысленное поведение молодого человека усугубило его вину. Он, подделав еще и подорожную, поехал в Суздаль для продолжения экспедиции, проигнорировав предписание владимирского губернатора отбыть в Москву и явиться к П. П. Бекетову для разбирательства. В Суздале он вновь был задержан и препровожден в Москву к московскому обер-полицмейстеру. Последний отправил Калайдовича к П. П. Бекетову, но председатель ОИДР отказался от разбирательства, сославшись на то, что официально К. Ф. Калайдович числится на службе в Московском университете.²⁸ Юношеский авантюризм и легкомыслие 22-летнего Калайдовича дорого обошлись ему. Чтобы избежать судебного разбирательства, отец Калайдовича, поручившийся за сына,²⁹ 1 февраля 1815 года объявил его сумасшедшим и отправил в Московский дом умалишенных (в «Матросскую тишину» на р. Яузе), где Калайдович находился до 15 июля 1815 года,³⁰ а затем ровно на год удалил его на «долечивание» в Николо-Пешношский монастырь³¹ (неподалеку от подмосковного города Дмитрова), где «больной» находился на положении послушника и где его ни разу не навещил отец.

говоров. М., 1814. В этом письме Калайдович предлагал, чтобы собрание государственных грамот, «которые несравненно важнее летописей по своей достоверности», «было издано со всею палеографической точностью». По его мнению, в палеографии «каждое слово, всякая буква, не так поставленная, есть уже преступление. Возможная точность, не допускающая никаких перемен в подлиннике, есть важнейшее оной достоинство».

²⁶ Бессонов. Материалы. С. 103.

²⁷ Открытый лист — это документ на право производства раскопок и разведок археологических памятников. Здесь же имеется в виду скорее ходатайство о дозволении предъявителю документа работать в библиотеках и осматривать археологические памятники. «Отрывок из путевых записок» Калайдовича о его поездке из Владимира в Боголюбов монастырь в январе 1815 года см.: *Сын отечества*. 1815. Ч. 21. № 17. С. 171—178 (подпись: К. К-ч).

²⁸ Донесение владимирского губернатора московскому обер-полицмейстеру с изложением всех обстоятельств дела и другие документы см.: *Попов С. С. К биографии К. Ф. Калайдовича*. 1815 год // *ЧОИДР*. 1905. Кн. 1. Отд. V: Смесь. С. 76—79.

²⁹ Напомню, что Ф. Д. Калайдович в это время служил лекарем при том же Московском университетском благородном пансионе, где преподавал его сын.

³⁰ Находясь полгода в окружении психически больных людей и грубых надзирателей, Калайдович изображает в стихах этого времени ужас своего положения (см.: Бессонов. Материалы. С. 43—50).

³¹ О правильном наименовании монастыря велась многолетняя дискуссия. По преданию, преподобный Мефодий трудился, «пеш нося деревья через речку». Отсюда предание выводит название монастыря и речки — Пешноша. Сам Калайдович (см. прим. 32) не настаивает на безусловности именно такого словообразования, а подчеркивает только древность этого предания, ссылаясь на «старые рукописи и некоторые другие исторические памятники». Здесь же Калайдович отмечает, что иногда встречающееся название Песноша — неверно.

В Николо-Пешношской обители Калайдович сдружился с молодым письмоводителем, отцом Мефодием (будущим настоятелем монастыря), разобрал монастырский архив и написал обширный труд по истории обители, опубликованный уже после его смерти, а затем не раз переиздававшийся.³² Сочинение Калайдовича поистине бесценно. Он зафиксировал исторические данные, предания, описал реликвии — все то, что было утрачено в последующие времена. Несколько документов, отражающих хозяйственную деятельность монастыря, Калайдович, по словам Ю. Куклева, перевез в Москву, в Архив Коллегии иностранных дел (сейчас они хранятся в РГАДА, в фондах № 281 и 1183).³³

В середине июля 1816 года Калайдович вернулся в Москву. О поступлении в Архив не могло быть и речи: «владимирская история» сильно навредила ему в общественном мнении, к тому же место главного смотрителя Комиссии по печатанию СГГД было уже занято П. М. Строевым. Калайдович ищет работу, за него хлопочет и Д. Н. Бантыш-Каменский, и Евгений (Болховитинов) (речь шла о несостоявшемся поступлении на службу в Синодальную типографию). С 10 августа и, вероятно, до ноября (19 ноября он уже в Москве) 1816 года К. Ф. Калайдович путешествовал по селениям и монастырям, с 28 августа некоторое время он находился в Калуге,³⁴ в сентябре посещал дом А. Ф. Якубовича, первого издателя Сборника Кириши Данилова, что имело в научной жизни Калайдовича важное последствие: в 1818 году он переиздаст Сборник.

Своими трудами, обширными, точными знаниями и особенной способностью отыскивать ценнейшие рукописи Калайдович сумел вернуть расположение графа Н. П. Румянцева и стал одним из самых активных членов Румянцевского кружка, основным направлением в деятельности которого было разыскание ценных исторических и литературных памятников, их изучение и издание.

В июне 1817 года Калайдович добровольно присоединился к П. М. Строеву в его археографической поездке для описания рукописей известнейших монастырей, предпринятой по поручению графа Н. П. Румянцева. В Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре он сделал открытие первостепенной важности: обнаружил Изборник Святослава 1073 года, вторую из древнейших датированных древнерусских рукописей после Остромирова евангелия, своеобразную «первую русскую энциклопедию», включавшую статьи по математике, астрономии, грамматике, истории, богословию. О своей находке Калайдович сообщил в письме к Н. П. Румянцеву, который, желая сохранить за собой право публикации Изборника, просил сохранить в тайне обнаружение ценнейшего памятника.

С 1817 года Калайдович принимает участие в издании II части «Собрания государственных грамот и договоров». Два года Калайдович работал как «сторонний» контр-корректор и только 13 мая 1819 года, когда вышла II часть СГГД, был принят в число постоянных членов Комиссии, однако с тем же званием корректора, без причисления к Архиву. В это время обязанности Калайдовича заключались в том, чтобы сверять списки грамот, подготовленных к печати, с подлинниками и

³² Историческое и топографическое [слова «топографическое» в последующих изданиях нет] описание мужского общежительного монастыря Святого Чудотворца Николая, что на Пешноше, с присовокуплением устава его и чиноположения. Составлено из записок покойного К. Ф. Калайдовича. М., 1837. 149 с., изданием благотворителей; 2-е изд.: М., 1866; 3-е изд.: М., 1880 (сост. В. Руднев, с прибавлением статей др. авторов); 4-е изд.: М., 1893.

³³ Среди них — Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича от 1539 года «О назначении дополнительного денежного жалования властям и монахам Пешношского монастыря», в которой сообщается, что великий князь Иван Васильевич, побывавший в монастыре, взял на содержание монастырскую братию (РГАДА. Ф. 281. Грамоты коллегии экономии. № 3768). См. об этом: Куклев Ю. Краткий обзор Николо-Пешношского монастыря в период с XIX века по настоящее время. Ч. 1 (<http://www.donskoi.org/905>).

³⁴ См. дневник путешествия Калайдовича, начатый 10 августа в Москве и обрывающийся записью от 3 сентября (в описании архива ошибочно — 13 сентября) 1816 года в Калуге (РНБ. Ф. 328. № 18).

«со всевозможным наблюдением и точностью» проверять корректуру. В 1819 году Калайдовичем были предложены измененные правила передачи текста грамот, учитывая более поздний, по сравнению с первым томом, характер документов.³⁵ Им же была разработана методика составления научно-справочного аппарата издания.³⁶ В 1822 году, после выхода III части СГГД, он получил орден Св. Анны 3-й степени, был принят в ведомство Коллегии на действительную службу при Архиве и 20 октября 1822 года назначен на должность главного смотрителя Комиссии печатания государственных грамот и договоров (т. е. редактора всего издания), которую с 1816 года занимал П. М. Строев. 12 января 1823 года Калайдович произведен в коллежские секретари, 22 января 1826 года получил чин титулярного советника, а 6 декабря того же года награжден орденом св. Владимира 4-й степени. В течение 4 лет, с 1824 по 1828 год, он участвовал в подготовке к изданию IV части СГГД. Деятельность Калайдовича в Комиссии способствовала тому, что «Собрание государственных грамот и договоров» не потеряло своего научного значения до сих пор.³⁷

Период от 1817 до 1826 года, около 10 лет, — самый блестящий в жизни ученого: «время жатвы того, что посеяно его тяжкими трудами» (Бессонов). Он закончился со смертью графа Н. П. Румянцева,³⁸ на средства и по инициативе которого К. Ф. Калайдович производил поиски в архивах и библиотеках, печатал и комментировал исторические и литературные памятники. Смерть графа стала для него сильнейшим ударом. Рухнули надежды на издание подготовленных работ и на продолжение начатых. Он вынужден был уйти из Комиссии печатания государственных грамот и договоров. Прервалась его работа и над описанием Синодальной библиотеки (см. об этой работе далее).

В 1826 году здоровье Калайдовича, слабое в течение всей жизни, окончательно расстроилось. Этому способствовали, по словам М. П. Погодина, непомерные труды и напряжение всех сил в продолжение десяти лет, от 1817 до 1826 года, вместе с огорчениями, которые причиняли ему враги, спутники всякого таланта, пережитые им страдания и нужда, в которой он постоянно находился. Еще в сентябре

³⁵ В письме к графу Румянцеву от 9 декабря 1919 года Калайдович, ссылаясь на приобретенный опыт, отказывался от некоторых положений своего письма 1813 года к Бантыш-Каменскому, не усматривая теперь «никакой надобности» «в точном соблюдении правописания грамот новейших времен» при их публикации (Бессонов. Материалы. С. 158). Новые правила сводились к максимальному облегчению передачи текстов за счет исключения всех сокращений, вышедших из употребления букв, но с сохранением «слов и речений неприкосновенными касательно старинной грамматической их перемены», написаний имен собственных, славянской буквенной цифири.

³⁶ О выработке эдиционной теории при издании СГГД см., в частности: Софинов П. Г. Развитие русской археографии в первой четверти XIX в. // Тр. Московского историко-архивного ин-та. М., 1948. Т. 4. С. 233—237; Козлов В. П. Колумбы российских древностей. С. 101—104; Астахина Л. Ю. Константин Федорович Калайдович (1792—1832) и издание русских рукописей // Румянцевские чтения — 2011: Материалы Международной науч. конф. (19—21 апр. 2011 г.). М., 2011. Ч. 1. С. 19—25.

³⁷ Следует, очевидно, отметить, что постоянная и напряженная работа в Архиве К. Ф. Калайдовича не имела ничего общего со службой там в первой половине 1820-х годов так называемых «архивных юношей». Это были отлично образованные молодые люди из благородных семей, выпускники Московского университета и Университетского благородного пансиона. Среди них — Алексей и Дмитрий Веневитиновы, Н. А. Мельгунов, А. И. Кошелёв, И. В. Киреевский, С. А. Соболевский, В. П. Титов, В. Ф. Одоевский, С. П. Шевырев и др., объединявшиеся в «Общество друзей» и «Общество любомудрия». По воспоминаниям А. И. Кошелёва, приходить на службу им полагалось дважды в неделю, по понедельникам и четвергам. Однако начальство архивных юношей «было очень мило», и даже отведенное для работы время молодые люди посвящали литературным забавам и беседам на философские темы. Архив «прослыл сборищем „блестящей“ московской молодежи, и звание „архивного юноши“ (увековеченное Пушкиным в «Евгении Онегине». — Л. С.) сделалось весьма почетным» (Записки Александра Ивановича Кошелёва (1812—1883 годы). С семью приложениями / Сост. О. Ф. Кошелёва. Берлин, 1884).

³⁸ Н. П. Румянцев умер 3 января 1826 года.

1825 года Калайдович пишет Д. Н. Бантыш-Каменскому, что прохворал все лето: «Нервическое расслабление — следствие неумеренных трудов — расстроило совершенно мое здоровье».³⁹ К физическому нездоровью вскоре присоединилось душевное расстройство. 10 апреля 1828 года Калайдович был освидетельствован по причине странного поведения, замечавшегося уже с начала года, и признан душевнобольным. Мнимая болезнь 1815 года через 13 лет стала реальностью. По указу министра иностранных дел от 21 апреля 1828 года ученый был уволен из Архива Коллегии иностранных дел с выплатой ему до выздоровления двух третей получаемого им жалования. Через год он вылечился, но силы его, по словам М. П. Погодина, «совершенно упали, умственная деятельность ослабла; пылкий, живой, он так притих, что в иной вечер не услышишь, бывало, от него ни одного слова» (см. прим. 132). В 1832 году он умер, в возрасте неполных 40 лет.

Дата смерти, указанная П. А. Бессоновым и до сих пор приводимая в справочных изданиях (19 апреля), неверна. В некрологах сообщалось, что скончался К. Ф. Калайдович 16 апреля, «в субботу на Святой Неделе, в 7 часу по полудни», а 19 апреля состоялись отпевание и похороны.⁴⁰ Уже упоминавшаяся надпись на его надгробном памятнике (он похоронен на Ваганьковском кладбище⁴¹) также называла датой смерти Калайдовича 16 апреля. Она гласила: «Титулярный советник и кавалер Константин Федорович Калайдович родился 1792 года, мая 19, в Киеве, скончался 1832 года апреля 16 дня в Москве».⁴²

После ученого остался большой архив, который был передан сыном Калайдовича⁴³ для разбора М. П. Погодину,⁴⁴ а от последнего (в составе проданного им собрания) поступил в Императорскую Публичную библиотеку.⁴⁵ Перед самым переездом архива Калайдовича в Санкт-Петербург с ним работал у М. П. Погодина П. А. Бессонов.

Вклад К. Ф. Калайдовича в науку столь значителен, что подробный разбор его сочинений неизбежно повлек бы, по словам П. А. Бессонова, исследование всех важнейших вопросов русской истории и филологии за первую треть XIX столетия.⁴⁶

³⁹ Бессонов. Материалы. С. 82.

⁴⁰ Некрологи Калайдовичу см.: Московский телеграф. 1834. Ч. 55. С. 192; Молва. 1832. Ч. 3. № 32. С. 125—126 (автор последнего — М. П. Погодин).

⁴¹ Могила его на Ваганьковском кладбище, по словам А. А. Формозова, затеряна. См.: Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. 2-е изд. М., 2007. С. 27.

⁴² См.: Новые сведения о К. Ф. Калайдовиче. С. 353—354. Как видим, 2012 год отмечен двумя знаменательными датами, связанными с К. Ф. Калайдовичем: исполнилось 220 лет со дня рождения ученого и 180 лет со дня его смерти. Кроме того, в этом году отмечается 200-летие Отечественной войны 1812 года, в которой добровольцем принял участие двадцатилетний Константин Калайдович.

⁴³ Кроме сына Николая, названного так в честь Н. П. Румянцева, у К. Ф. Калайдовича и его жены Катерины Никитичны, урожденной Исаковой, дочери бронницкого уездного судьи (женаты с 1820 года), было три дочери: Людмила, Надежда и Ольга. Об их судьбе см.: Бессонов. Материалы. С. 62—63.

⁴⁴ Об этом упоминалось в газете «Молва» (№ 68 за 1832 год).

⁴⁵ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 328. Оп. 253а. Опись фонда содержит следующие разделы: I. Материалы к биографии Калайдовича, ед. хр. 1—20; II. Материалы, связанные с научной и общественной деятельностью Калайдовича, ед. хр. 21—44; III. Труды Калайдовича и материалы к ним, ед. хр. 45—243; IV. Письма Калайдовича разным лицам, ед. хр. 244—317; V. Письма разных лиц Калайдовичу, ед. хр. 318—479; VI. Материалы Ф. Д. Калайдовича, ед. хр. 480—486; VII. Материалы Н. П. Румянцева, ед. хр. 487—497; VIII. Материалы разных лиц, ед. хр. 498—534; IX. Собрание [бумаг и книг] К. Ф. Калайдовича, ед. хр. 535—557.

⁴⁶ Библиографию работ К. Ф. Калайдовича см.: Бессонов. Материалы. С. 5—208; Геннади Гр. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и Список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1880. Т. 2. С. 92—93; *Летописец Димитрий*. [Языков Д. Д.] Материалы для биографии и учено-литературной деятельности К. Ф. Калайдовича (по поводу столетия со дня рождения) // Библиографические записки. 1892. № 5. С. 348—353; Соколова Л. В. Калайдович Константин Федорович // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 414—418.

Деятельность его, продолжавшаяся всего 15 лет, развивалась одновременно по нескольким направлениям.

Во-первых, он опубликовал ряд статей, представляющих собой важный вклад в историографию славянского и русского первопечатания.⁴⁷ Три из них были посвящены Ивану Федорову и его типографиям.⁴⁸ В 1819 году были изданы две статьи ученого о трудах славянского типографа XV века Швайпольта Фиоля (Феоля). Первая статья представляла собой извлечение из труда польского историка и библиографа Г. С. Бандтке о краковских типографиях в переводе Калайдовича на русский язык.⁴⁹ Во второй статье, задуманной как дополнение к сведениям, сообщаемым Г. С. Бандтке, подробно описан изданный Фиолем в Кракове Часослов 1491 года, хранившийся в библиотеке графа Ф. А. Толстого. Несомненной заслугой Калайдовича было то, что он ввел в славяно-русскую библиографию «Триодь цветную» Фиоля.⁵⁰ Вторая статья о Фиоле вышла отдельным изданием, став первым отечественным отдельно изданным трудом по истории книгопечатания.⁵¹ В 1823 году Калайдович описал найденный им в библиотеке московского собирателя графа Ф. А. Толстого Букварь Василия Бурцова 1637 года, к тому времени самый старший из известных, отметив смешение исследователями четырех разных букварей.⁵² Статья была им написана после того, как в том же издании, в номере шестом за 1823 год, он прочел статью В. Н. Берха (статья была подписана инициалами), где вместо Азбуки Бурцова была рассмотрена совершенно другая азбука⁵³ (в книге Б. Заболотских автором этой статьи ошибочно назван Д. П. Рунич, которому принадлежал описанный букварь⁵⁴).

Ряд работ ученого был посвящен нумизматике. Как правило, это были критические отклики на появлявшиеся публикации. В статье 1812 года Калайдович опровергал мнение харьковского профессора Г. П. Успенского, который напечатал статью о старинной монете, назвав ее русской и отнес к времени Владимира Святого. Проконсультировавшись у проф. Баузе, молодой ученый описал «открытие» и объяснил, что это — генуэзская монета.⁵⁵ В статье 1815 года он отметил ошибоч-

⁴⁷ См.: *Немировский Е. Л.* Очерки историографии русского первопечатания // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 26—30.

⁴⁸ *Калайдович К.* 1) Иоанн Федоров, первый московский типографщик // Вестник Европы. 1813. Ч. 71. № 18. С. 93—123; 2) Записка об Иоанне Федорове // Там же. 1822. Ч. 123. № 11—12. С. 294—302; 3) Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудовье 1569 года первыми московскими типографщиками // Северный архив. 1823. Ч. 5. № 4. С. 318—326. В этой последней статье Калайдович отождествил никому не ведомого типографщика Ивана Федоровича Москвитина, напечатавшего в Заблудовье (Заблудове) в 1569 году Евангелие учительное, с Иваном Федоровым и назвал, таким образом, еще один адрес первопечатника.

⁴⁹ *К.* О Святополке Фиоле, краковском типографщике, первом издателе книг церковно-славянских // Вестник Европы. 1819. Ч. 106. № 14. С. 121—138. Атрибуция Е. Л. Немировским этой статьи, подписанной инициалом «К», Каченовскому — ошибочна.

⁵⁰ *Калайдович К.* Дополнительные сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика // Там же. Ч. 107. № 18. С. 101—108.

⁵¹ *Калайдович К.* Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика. М., 1820.

⁵² *Калайдович К.* Азбука, составленная Василием Федоровичем Бурцовым // Северный архив. 1823. Ч. 6. № 11. С. 314—327.

⁵³ В конце статьи Калайдович пишет: «Сии благонамеренные замечания написаны не в укоризну почтенного В. Н. Б-а. Ошибаться свойственно человеку; почему же и не поправить ошибку, если можно». А далее, обращаясь, очевидно, к своим критикам, он замечает: «Только пусть желание добра всегда водит пером Критика. Положив за правило не оскорбляться поучительным рассмотрением, даже излишне строгим, противопоставляю чувству недостойному писателя — злонамеренности — возмездие благороднейшее: молчание и презрение» (Там же. С. 326—327).

⁵⁴ См.: *Заболотских Б.* Кандидат Калайдович: Историческое повествование // Заболотских Б. Книжные раритеты: Собиратели и хранители. М., 1999. С. 7—154.

⁵⁵ -вич [Калайдович К. Ф.] На новые догадки о старинной монете // Вестник Европы. 1812. Ч. 63. № 10. С. 126—128.

ринной монете, принадлежавшей Кунсткамере, и привел истинную легенду по двум монетам из коллекции проф. Баузе: «Жана Безуна съ чело», объяснив, что Жан Безун (известный в России под именем Иван Фрязин) — денежный мастер, прибывший в Россию при великом князе Иване Васильевиче.⁵⁶ В 1823 году Калайдович опубликовал статью «О древних русских медалях», в которой описывал редкий образец прикладного искусства (металлопластики), имеющий сходство с медалью, — медный амулет-змеевик с изображением св. Никиты, побивающего беса.⁵⁷

Научным событием стала опубликованная в 1823 году отдельным изданием работа Калайдовича по археологии. В июле 1822 года по поручению управляющего Архивом Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновского (выполнившего просьбу Н. П. Румянцева) ученым была предпринята экспедиция в Рязанскую губернию в связи с обнаружением в июне 1822 года Старорязанского клада золотых и серебряных предметов. Клад осмотреть не удалось: он был уже отправлен в Эрмитаж, поэтому историку пришлось довольствоваться опросом местных жителей и рисунками находок, оказавшимися у местного губернатора. Он описал и прокомментировал найденные вещи: их вес, размеры, возможное назначение, предложил свою датировку их. Из поездки по Рязанской губернии, длившейся три недели, Калайдович отправил А. Ф. Малиновскому четыре письма, описывая помимо Старорязанского клада все примечательное, увиденное им в разных городах и селениях: предметы древнего обихода, могильные надписи, старинные книги.⁵⁸ Кроме того, осмотрев по пути к городищу Старая Рязань 12 других городищ, Калайдович оспорил в «Письмах» гипотезу о происхождении и назначении городищ историка З. Я. Долengi-Ходаковского,⁵⁹ чем последний был крайне раздосадован и обижен.⁶⁰ Соображения Калайдовича убедили многих читателей,⁶¹ и городища опять стали оценивать как остатки укрепленных поселений, а не как древние славянские святилища.

⁵⁶ Калайдович К. Ф. Замечания на статью князя Щербатова об одной российской монете // Записки и тр. ОИДР. 1815. Ч. 1. С. 44—52, с рисунком.

⁵⁷ Калайдович К. О древних русских медалях // Северный архив. 1823. Ч. 5. № 3. С. 240—243. См. об этой статье как не утратившей научной ценности: Пуцко В. Г. К. Ф. Калайдович у истоков русской археологии // Межвузовские научно-методические чтения памяти К. Ф. Калайдовича: Сб. материалов. Елец, 2006. Вып. 7. С. 129—134. К сожалению, намечавшиеся Калайдовичем описания многих гривен и монет, отложенные ради других важных дел, так и не были в свое время опубликованы и остались в его архиве или же были включены в письма к разным лицам. См. об этом: Бессонов. Материалы. С. 66.

⁵⁸ Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823. 75 с. с пятью таблицами (хвалебную рецензию на эту работу см.: Северный архив. 1823. Ч. 6. № 10. Раздел «Библиография». С. 296—298). Д. Д. Языков в библиографии трудов ученого атрибутирует ему также статью «Открытые драгоценности в Рязанской губернии» (Северный архив. 1822. Ч. 3. № 14. С. 175—176). Однако в этой публикации указано, что она представляет собой «выписку из письма доктора, надворного советника и кавалера Гамеля, из Рязани, к издателю Северного архива», т. е. Иосифа Христиановича Гамеля (1788—1861), интересовавшегося историей.

⁵⁹ О споре К. Ф. Калайдовича и З. Я. Долengi-Ходаковского по поводу городищ см.: Бессонов. Материалы. С. 71—72; Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. 2-е изд. М., 2007. Глава 1: Первые исследователи подмосковных городищ Ходаковский и Калайдович. С. 11—31. Незавершенный ответ Ходаковского Калайдовичу опубликовал в 1838 году М. П. Погодин.

⁶⁰ По поводу испорченных отношений с Ходаковским Калайдович пишет в письме к издателю «Северного архива» Ф. В. Булгарину: «Все ладно и дружно дотоле, пока слушаешь и молчишь. К чему ж все наши разыскания, когда при нынешнем свете исторической критики мы не можем подвинуть своих сведений ни на шаг вперед? (...) Но пусть мои противники поставят меня под жестокою историческую и критическую батарею: назло им я, может быть, выйду невредим. Неприятель тайный... для меня опаснее» (Бессонов. Материалы. С. 71—72).

⁶¹ А. А. Бестужев в обзоре «Взгляд на русскую словесность в начале 1823 года», опубликованном в альманахе «Полярная звезда», по поводу этой работы написал, что в ней «виден зоркий взгляд знатока и опытность ученого».

Ученым было написано несколько важных статей по истории. В 1812 году недавний студент напечатал «Замечания на объяснение двух грамот Новгородских»,⁶² где возражал Х. А. Шлёцеру, сыну А. Л. Шлёцера. В 1814 году вышло его «Краткое начертание российской истории» — учебное пособие для Университетского благородного пансиона (переиздано в 1817 году). В 1815 году им была опубликована статья «Разыскание о пришествии Рюрика в Ладогу».⁶³ Интерес к истории норманнов побудил его опубликовать в 1826 году в своем переводе отрывки из сочинения Деппинга (G. B. Depping) «Histoire des expéditions maritimes des Normands...».⁶⁴ В 1838 году, уже после смерти Калайдовича, вышло исследование, написанное им еще в 1816 году: «Рассуждение о поединках в России вообще и в особенности о судебных».⁶⁵

Будучи после Карамзина одним из лучших в то время знатоков русской истории, К. Ф. Калайдович мечтал о научном издании летописей и составлял планы будущих изданий. В 1817 году, узнав о задуманном в Синодальной типографии издании Новгородского и Архангелогородского летописцев, он в письме от 1 ноября 1817 года предложил свои услуги по изданию и план его.⁶⁶ Предложенный план издания летописей показывает, что его прежние взгляды на принципы издания летописей изменились. В 1814 году он решительно выступал против предложения А. Н. Оленина и А. И. Ермолаева издавать каждый летописный список отдельно с самой строжайшей точностью, полагая, что это приведет лишь к простому размножению летописных списков с сохранением всех их неточностей.⁶⁷ Теперь, в 1817 году, он предлагал издать древний Синодальный список Новгородской первой летописи «как один из важнейших памятников славянской русской письменности» с максимально возможным приближением к оригиналу и с параллельной публикацией перевода на современный русский язык. Более же поздний Устюжский летописный свод, «писанный языком не совсем древним», ученый считал возможным издать обычным гражданским шрифтом и с упрощенной передачей текста. К сожалению, задуманное издание не было осуществлено. И в дальнейшем Калайдович заботился об издании русских летописей. К заседанию 14 июня 1823 года возобновившего свою деятельность ОИДР он приготовил «Предложение об издании летописи», где в начале обзирал древнейшие списки летописей.⁶⁸

Уже в своей первой научной работе, опубликованной в 1811 году, К. Ф. Калайдович написал о необходимости сохранять бесценные рукописные и старопечатные книги и в связи с этим восхвалил И. Ф. Ферапонтова, торговца старыми книгами.⁶⁹ Отдал он должное и другим своим современникам, собирателям и хранителям древностей: скончавшемуся в 1814 году Н. Н. Бантыш-Каменскому,⁷⁰ своему

⁶² Калайдович К. Замечания на объяснения двух грамот Новгородских // Вестник Европы. 1812. Ч. 61. № 3. С. 204—232.

⁶³ Калайдович К. Разыскание о пришествии Рюрика в Ладогу // Тр. ОИДР. 1815. Ч. 1. С. 114—129.

⁶⁴ Северный архив. 1826. Ч. 22. С. 184—212; Ч. 23. С. 261—274; Ч. 24. С. 60—71 (подпись: К-ч).

⁶⁵ Калайдович К. Ф. Рассуждение о поединках в России вообще и в особенности о судебных // Русский исторический сборник. 1838. Т. 1. Кн. 4. С. 3—38. Рецензии на эту работу см.: Отечественные записки. 1839. Т. 2. Отд. VI. С. 33—52; Галатея. 1839. Ч. 1. № 4. С. 303—304.

⁶⁶ См.: РНБ. Ф. 328. Д. 306. Л. 1—2; опубликован: Бессонов. Материалы. С. 56—57.

⁶⁷ См.: Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича. С. 95—96.

⁶⁸ Бессонов. Материалы. С. 16—17. О выработке принципов издания летописей в первые десятилетия XIX века и участия в этом Калайдовича см.: Софинов П. Г. Развитие русской археографии... С. 220—226.

⁶⁹ Калайдович К. Ф. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811. То же без заглавия см.: Вестник Европы. 1811. Ч. 55. № 1. С. 57—62.

⁷⁰ Калайдович К. Ф. 1) [Известие о смерти и погребении Н. Н. Бантыш-Каменского] // Сын отечества. 1814. Ч. 11. № 6. С. 268—269 (подпись: К.); то же. Московские ведомости. 1814.

почившему другу Н. И. Матрунину (его библиотека была куплена графом Ф. А. Толстым),⁷¹ своему университетскому учителю, талантливому исследователю и преподавателю Р. Ф. Тимковскому,⁷² а также А. И. Мусину-Пушкину.⁷³

По просьбе К. Ф. Калайдовича (переданной через Б. Н. Бантыш-Каменского) А. И. Мусин-Пушкин написал свою биографию для «Словаря светских писателей» митрополита Евгения, в подготовке которого на начальном этапе Калайдович участвовал.⁷⁴ Полученные материалы к биографии Мусина-Пушкина показали ученому настолько интересными и важными, что он опубликовал их в 1813 году в «Вестнике Европы», чем А. И. Мусин-Пушкин был крайне раздосадован, ибо из материалов было ясно, что писал их он сам, а это могло показаться читателям нескромным.⁷⁵ Калайдовичу пришлось извиняться за свою «дерзость», т. е. публикацию биографии.⁷⁶

Переписка Калайдовича с Мусиным-Пушкиным важна тем, что благодаря ей сохранились бесценные свидетельства об истории открытия и первой публикации «Слова о полку Игореве». В обстановке разгоравшихся после гибели рукописи споров о подлинности памятника К. Ф. Калайдович первым понял важность выяснения всех обстоятельств приобретения рукописи со «Словом» и поэтому писал к графу в письме от 20 ноября 1813 года: «Я желал бы знать о всех подробностях несравненной Песни Игоревой, т. е. на чем, как и когда она написана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано? Также и о первых ее переводах, о коих я слышал от А. Ф. Малиновского».⁷⁷ Еще не дождавшись ответа Мусина-Пушкина, Калайдович в уже упоминавшемся письме от 23 декабря 1813 года с извинениями за «дерзость» высказывает свою глубокую убежденность в том, что «Слово» — древнерусский памятник, и вновь просит сообщить интересующие его подробности о нем: «Кто верит словам завистников, дерзающих говорить вместе, что Песнь Игорева подделана? Кто мог с такими глубокими познаниями в истории и языке не сделать анахронизмов, живши в 18 веке, и кто опять отказался бы от чести сочинения такого памятника, которому удивляются отличные знатоки в сем роде, не видя настоящей ему основы? Желая успокоить легковверных, утвердить благомыслящих и притупить жало неблагонамеренных, я хотел бы иметь подробнейшее известие о Песне Игоревой, к которой можно бы приобщить известие о всех пиесах, с нею вместе помещенных... Я уверен, что время, от коего зависит

№ 8; 2) Записки о жизни Николая Николаевича Бантыш-Каменского, управляющего Московским архивом Коллегии иностранных дел // Вестник Европы. 1814. Ч. 74. № 6. С. 114—134.

⁷¹ -вич [Калайдович К. Ф.]. Некрология // Сын отечества. 1817. Ч. 35. № 4. С. 175—176.

⁷² Калайдович К. О трудах профессора Тимковского по части русской истории // Вестник Европы. 1820. Ч. 110. № 6. С. 128—132.

⁷³ Записки для биографии Е(го) С(и)ательства графа Алексея Ивановича Мусин-Пушкина / [Изд. К. Ф. Калайдович] // Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 21—22. С. 76—91; Калайдович К. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусин-Пушкина // Записки и тр. ОИДР. 1824. Ч. 2. Кн. 2. С. 3—48.

⁷⁴ Что точно представляли собой эти записки и в какой степени были переработаны Калайдовичем — неизвестно. В. П. Козлов в книге «Кружок А. И. Мусина-Пушкина и „Слово о полку Игореве“» (М., 1988) сообщает, что еще в начале XX века в Борисоглебском архиве Мусиных-Пушкиных хранилось «рукописное жизнеописание графа А. И. с собственноручными поправками» (РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). К сожалению, разыскания этого жизнеописания, предпринятые В. П. Козловым, не принесли положительных результатов. Нет присланных Мусиным-Пушкиным записок и в архиве Калайдовича (см.: РНБ. Ф. 328. № 56: «Материалы к биографии Мусина-Пушкина, присланные К. Ф. Калайдовичу в октябре 1813 г. в связи с его работой над статьей о гр. А. И.»). По всей вероятности, Калайдович объединил присланные материалы и написал примечания к «Запискам».

⁷⁵ Об этом Мусин-Пушкин пишет в письме к Д. Н. Бантыш-Каменскому от 1 декабря 1813 года. См.: ИРЛИ. Ф. 339. № 1. Опубликовано впервые: Русская старина. 1904. Кн. 9. С. 645—646. См. также: Дмитриев Л. А. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве — памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 414. Прим. 20.

⁷⁶ Письмо Калайдовича к А. И. Мусину-Пушкину от 23 декабря 1813 года (в «Материалах» Бессонова письмо ошибочно датировано 13 декабря) см.: Бессонов. Материалы. С. 97.

⁷⁷ Там же. С. 96.

скрывать и открывать, явит нам неоспоримые доказательства ее достоверности, подобно одному, недавно найденному мной в Апостоле...» Ответ Мусина-Пушкина, благодаря которому мы знаем некоторые подробности о рукописи «Слова» и ее приобретении, не вполне удовлетворил ученого, но более точных сведений он не смог добиться.⁷⁸

Сведения о «Слове», собранные Калайдовичем, сохранились также в архиве Р. Ф. Тимковского. Н. А. Полевой в 1839 году опубликовал эти документы.⁷⁹ Среди них отрывок из письма Калайдовича к Тимковскому, в котором приводится рассказ типографщика С. А. Селивановского о сборнике со «Словом» и о работе над корректурами первого издания, а также записанные Тимковским от Калайдовича несколько мнений о «Слове» Карамзина. Свидетельства, собранные Калайдовичем у специалистов, видевших рукопись со «Словом», являются бесценными.

Языку «Слова о полку Игореве» посвящена опубликованная анонимно статья Калайдовича 1818 года, представляющая собой ответ на вопрос, поставленный еще в 1812 году его братом, Петром Федоровичем Калайдовичем, в Обществе любителей российской словесности: на каком языке писана Песнь о походе Игоревом.⁸⁰ Он ставил своей целью доказать, что «Слово» «написано наречием, сходным с библейским и летописями». Ученый показал близость языка «Слова» к языку памятников древнерусской письменности, предложил толкование ряда слов и выражений поэмы, объяснил наличие в «Слове» гапаксов недостаточной изученностью памятников древнерусской литературы. Коснулся он и других вопросов.⁸¹

Внимание Калайдовича к языку памятника не ограничивалось только «Словом». Тот же метод изучения он использовал и по отношению к другим произведениям. В 1813 году была опубликована его статья «Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение Книги Степенной».⁸² Автор перечисляет здесь ученые труды митрополита Киприана и на основании особенностей языка не признает его составителем «Степенной книги» (эта точка зрения стала общепризнанной значительно позднее). В статье 1820 года «Нечто о славянском переводе Кормчей и древнейшем оной списке»⁸³ Калайдович подробно описывает древнейший русский датированный список Кормчей 1284 года (РНБ. Ф.п.П.1) и приводит доказательства, что лежащий в его основе пе-

⁷⁸ Ответы А. И. Мусина-Пушкина на вопросы Калайдовича см.: *Калайдович К.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. С. 18—39.

⁷⁹ *Полевой Н. А.* Любопытные замечания к Слову о полку Игоревом // *Сын отечества*. 1839. Т. 8. Отд. 6. С. 15—20.

⁸⁰ Опыт решения вопроса, предложенного в Обществе любителей Российской словесности, основанном при Императорском Московском университете, о том, на каком языке писана Песнь о полку Игоря, на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного писания, или на каком-нибудь областном наречии // *Тр. ОЛРС*. 1818. Ч. 11. С. 3—32 (подпись: *Неизвестный*).

⁸¹ О роли К. Ф. Калайдовича в изучении «Слова» см.: *Дмитриев Л. А.* 1) История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // *Слово о полку Игореве* — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 406—429; 2) [Стенограмма выступления Л. А. Дмитриева на обсуждении книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» 5 мая 1964 г.] // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. статья, сост., подг. текстов и комм. Л. В. Соколовой. СПб., 2010. С. 340—357; *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988 (по указ.); *Булахов М. Г.* Калайдович К. Ф. // *Булахов М. Г.* «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1989. С. 114—115; *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980 (по указ.); *Творогов О. В.* Калайдович К. Ф. // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. СПб., 1995. Т. 3. С. 5—6.

⁸² *Калайдович К.* Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение Книги Степенной // *Вестник Европы*. 1813. Ч. 72. № 23—24. С. 207—224.

⁸³ *Калайдович К.* Нечто о славянском переводе Кормчей и древнейшем оной списке // *Вестник Европы*. 1820. Ч. 110. № 5. С. 22—32.

ревод был южнославянского происхождения. Рязанская Кормчая действительно является старшим восточнославянским списком сербской редакции Кормчей, списанным с болгарского списка.⁸⁴

Научную славу К. Ф. Калайдовича составили его издания древнерусских и славянских памятников, а также фольклористическое издание, подготовленные самым тщательным образом.

В 1815 году вышла в свет первая часть издаваемых ОИДР «Русских достопамятностей», подготовленная Калайдовичем еще в 1812 году (участие его в издании не оговорено).⁸⁵ В первую часть вошли не публиковавшиеся ранее произведения: «Поучение архиепископа Луки [Жидагы] к братии», «Послание митрополита Киевского Никифора к Владимиру Мономаху», «Послание митрополита Иоанна к Иакову черноризцу» и др. Исключение составляла только Русская Правда, которая уже была издана, но на сей раз издана, по словам издателя, «с весьма древнего списка (XIII в.)».⁸⁶ Ученый не довольствовался одним списком, приводил варианты по другим найденным им спискам, снабжал публикуемые памятники объяснительными предисловиями и примечаниями.⁸⁷

В 1818 году К. Ф. Калайдович осуществил расширенное издание Сборника Кирши Данилова, содержащего былины, исторические и лирические песни, несколько песен сатирических, духовные стихи.⁸⁸ Первое издание, осуществленное А. Ф. Якубовичем,⁸⁹ включало 26 текстов из 71. Калайдович принял решение издать весь сборник целиком, но по соображениям общественной благопристойности или цензурным семь «неприличных» песен и два духовных стиха пришлось опустить. Таким образом, почти полностью был опубликован ценнейший памятник русского былевого эпоса, в результате чего впервые стали известны фольклорные сюжеты о Садко, Щелкане Дудентьевиче, о Добрыне и Змее и др. Это была первая в истории русской фольклористики публикация, выполненная с применением на-

⁸⁴ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 263—264.

⁸⁵ Русские достопамятности / Изд. ОИДР. М., 1815. Ч. 1.

⁸⁶ Об этом издании см.: Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 157. Издавая Русскую Правду, Калайдович стремился «ничего не прибавлять и не убавлять», а несправности списка исправлять в примечаниях с помощью вариантов. По мнению В. П. Козлова, значение этой публикации снизилось из-за того, что варианты к публикуемому Синодальному списку ученый приводил по изданиям XVIII века, без непосредственного обращения к самим рукописям, и тем самым невольно перенес ошибки предшественников в свою публикацию (Козлов В. П. Колумбы российских древностей. С. 113).

⁸⁷ Забегая вперед, скажем, что ОИДР, возобновив 12 апреля 1823 года после перерыва свою деятельность, повторно избрало Калайдовича действительным членом Общества, а на заседании 14 июня 1823 года поручило ему издать вторую часть «Русских достопамятностей». В архиве Калайдовича находятся разные свидетельства приготвлений к этому труду, который, судя по сохранившемуся в архиве ученого «Содержанию», должен был включать 19 произведений (29 февраля 1824 года ученый представил в ОИДР 11 статей). Однако вышла II часть «Русских достопамятностей» уже после смерти Калайдовича, в 1843 году, под редакцией Д. Дубенского; она содержит памятники древнего русского права.

⁸⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева / Сост., подг. текстов и предисловие К. Ф. Калайдовича. 2-е изд. М., 1818; 3-е изд., с предисловием К. Ф. Калайдовича: М., 1878. После 1818 года рукопись считалась утраченной, только в 1894 году она была обнаружена в библиотеке тульского помещика М. Р. Долгорукова, к которому попала в числе бумаг его деда по матери А. Ф. Малиновского, через него Н. П. Румянцев покупал Сборник у Якубовича. В настоящее время рукопись хранится в Рукописном отделе РНБ под шифром F.XIV. № 62. Таким образом, почти весь XIX век представление о рукописи давало издание Калайдовича. Лишь в 1901 году появилось новое издание Сборника под редакцией П. Н. Шеффера.

⁸⁹ Древние русские стихотворения. М., 1804. Имя издателя здесь не названо. О том, что первое издание Сборника по поручению его тогдашнего владельца Ф. П. Ключарева осуществил А. Ф. Якубович, сообщил К. Ф. Калайдович в своем предисловии к изданию 1818 года.

учных эдичионных принципов. По словам издателя, за исключением оговоренных поправок ничего им «не прибавлено и не опущено, как у первого издателя, делавшего произвольные в стихах прибавления и сокращения». Разумеется, первый опыт научного издания фольклорных текстов не мог быть идеальным, особенно с лингвистической точки зрения. Излагая правила издания, Калайдович писал, что «некоторые погрешности в языке, свойственные времени, к коему стихотворения принадлежат, остались неприкосновенными; в другом случае, при явных ошибках писца, осмелились мы сделать небольшие поправки». Но поправки издателя коснулись в некоторых случаях и звуковых, диалектных черт, особенностей народного говора, что объяснялось, вероятно, тем же стремлением исправить «явные ошибки писца». Разделение песен на стихотворные строки было осуществлено уже Якубовичем. Аналогичную работу выполнил Калайдович в отношении 35 впервые публикуемых текстов. Были воспроизведены гравированные резцом нотные строчки, сопровождавшие в сборнике каждое стихотворение (в издании Якубовича они отсутствовали). Калайдович написал обстоятельное предисловие к издаваемому сборнику. Это предисловие было первым опытом исторического исследования русского былевого эпоса. В издании 1816 года впервые введено в науку имя Кирши Данилова (в издании 1804 года оно не упоминалось). Со ссылкой на А. Ф. Якубовича Калайдович сообщал в предисловии, что это имя стояло на первом, утраченном листе рукописи. По мнению Калайдовича, Кирша был не сочинителем, а собирателем (составителем?) сборника песен, бытовавших в устной традиции, с чем согласны и современные ученые. Однако о нескольких песнях Калайдович говорил как о созданных самим Киршей. Именно Калайдовичу принадлежит важное наблюдение, что Кирша (это просторечный вариант имени) в одной из песен сборника именует себя Кириллом Даниловичем.⁹⁰ Историки русской фольклористики отмечали высокий уровень предисловия Калайдовича, впервые поставившего ряд важных вопросов изучения русского эпоса. Исследователь постарался выяснить исторические основы народного эпоса, наметить этапы его развития, он стремился отграничить в былинных сюжетах правду от вымысла, привлекая свидетельства древнерусских летописей. Калайдович обратил внимание и на художественную специфику материалов Сборника.

Существует при этом мнение, высказанное в 1911 году М. Н. Сперанским⁹¹ и до сих пор повторяющееся фольклористами, что якобы в предисловии Калайдовича без ссылки на источник использована «Записка» А. Ф. Якубовича (по атрибуции Сперанского): печатное предисловие Калайдовича совпадает с этой «Запиской» «в целом ряде мест буквально или почти буквально». Между тем атрибуция М. Н. Сперанским опубликованной им «Записки»⁹² А. Ф. Якубовичу ошибочна. Она построена на произвольном истолковании фактов, в действительности свидетельствующих об авторстве Калайдовича. «Записка» написана почерком Калайдовича (что не отрицает и Сперанский). Она составлена «в доме г-на Якубовича» (т. е. не самим Якубовичем), в Калуге, «4 сентября 1816 года», как сказано в самой «Записке». Именно там находился в это время Калайдович,⁹³ по собственной

⁹⁰ Историю изучения и издания Сборника, новейшие сведения о Кирше Данилове, месте создания Сборника см.: Горелов А. А. Заветная книга // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000. С. 4—40; То же в кн.: Горелов А. В поисках легендарного Кирши Данилова: Книга пути. СПб., 2011. Ч. 1. С. 188—215.

⁹¹ Сперанский М. Н. К истории сборника песен Кирши Данилова // Русский филологический вестник. 1911. № 1. С. 198—211.

⁹² Эта «Записка» была обнаружена М. Н. Сперанским в архиве П. В. Киреевского. Она попала туда, очевидно, от П. А. Бессонова (сотрудничавшего с Киреевским), который в биографии Калайдовича называет эту записку его, Калайдовича, «первым предисловием к изданию» Сборника Кирши, ему, Бессонову, «случайно... доставшимся» (Бессонов. Материалы. С. 58).

⁹³ Кроме «Записки», составленной 4 сентября 1816 года в доме Якубовича рукой Калайдовича, об этом свидетельствует рукописный дневник путешествия Калайдовича, обрывающийся на 3 сентября 1816 года, когда он находился в Калуге (см.: РНБ. Ф. 328. № 18).

инициативе собравший сведения о Сборнике для предполагавшегося нового издания его, упомянутого в «Записке».⁹⁴ Разумеется, устные сведения об истории Сборника и его первом издании, в том числе об утерянном первом листе с именем Кирши, он получил от А. Ф. Якубовича, на что и указал в своем печатном предисловии. О Якубовиче говорится в «Записке» в третьем лице, что также не позволяет считать его автором этого текста. Наконец, автор «Записки» упоминает о своей библиотеке, «истребленной пламенем в 1812 году», что случилось именно с библиотекой Калайдовича, а не Якубовича, как ошибочно утверждал М. Н. Сперанский (по его словам, «о какой-либо библиотеке у Калайдовича и о гибели ее в 1812 г. ничего не говорит биограф его»). Что же касается фразы, написанной перед текстом «Записки» почерком Калайдовича («Писано г-м Якубовичем, издателем Древних русских стихотворений»), то она, надо думать, относится не к последующему, а к предыдущему тексту. Как сообщает М. Н. Сперанский, перед «Запиской», на странице 1 и 2 двойного листа, другим почерком выписана песня из Сборника Кирши: «Ох! В горе жить не кручину быть», не вошедшая в издание 1804 года. Именно она и «писана г-м Якубовичем».

В 1819 году появилось издание, подготовленное Калайдовичем совместно с П. М. Строевым: «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича...».⁹⁵ Судебник 1497 года, обнаруженный П. М. Строевым в 1817 году в библиотеке Волоколамского монастыря, был до того известен лишь по выпискам из «Путешествия» С. Герберштейна. Судебник 1550 года с дополнительными указами, которые «прерываются 1557 годом», печатался по списку, обнаруженному К. Ф. Калайдовичем в библиотеке графа Ф. А. Толстого. Список этот отличался от ранее известных «своею древностью и точностью, ибо в нем не встретилось и десяти погрешностей переписчика». Кроме того, он содержал указ 1555 года, которого не было ни в одной из прежних публикаций. Издатели стремились к «возможной точности» передачи текста и ручались, что «не только одно слово или речение, но ниже самая буква не проронены против подлинников».⁹⁶ Ошибки оригинала исправлялись издателями не в тексте, а в примечаниях, где указывалось верное чтение. Если эта методика издания была единственно возможной в отношении Судебника 1497 года, то в отношении Судебника 1550 года, известного по многим спискам, подобный подход, объясняемый стремлением к единообразию публикации, по мнению современных исследователей, не отвечал требованиям строго научного издания. К публикации были приложены факсимильные изображения почерков памятников и филигрань бумаги Судебника 1497 года. Издатели снабдили публикацию обстоятельным введением, в котором дали сжатую историю русского законодательства.⁹⁷

В 1821 году вышли в свет «Памятники российской словесности XII века».⁹⁸ За это издание, рассматривавшееся современниками как патристический под-

⁹⁴ Свое согласие на то, чтобы Сборник издавал Калайдович, Н. П. Румянцев дал позже, в письме к А. Ф. Малиновскому от 3 ноября 1816 года. Из письма Румянцева ясно, что просьба об этом поступила через Малиновского от Калайдовича: «Употребить г. Калайдовича для корректуры и исправности сего издания согласен; почему не воспользоваться *усердным его в пользу этого расположением*» (см.: Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными. С. 29—30).

⁹⁵ Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819.

⁹⁶ Там же. С. XXIX.

⁹⁷ См. об этом издании: Софинов П. Г. Развитие русской археографии... С. 238—241; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XVI вв. М., 1951. Т. 2. С. 280 и др.; Козлов В. П. Колумбы российских древностей. С. 114—115; Андреева П. В. Судебники 1497 и 1550 гг. в издании К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2002. Т. 28. С. 284—307.

⁹⁸ Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.

виг,⁹⁹ К. Ф. Калайдович был награжден Российской Академией наук серебряной медалью, а петербургское Вольное общество российской словесности по рекомендации П. И. Кепшена и Ф. И. Глинка избрало его своим членом. В «Памятниках» вошло двадцать одно произведение, среди них открытые им пятнадцать «слов» Кирилла Туровского, а также Послание митрополита Киевского Никифора Владимиру Мономаху, «Вопрошание Кириково», «Слово Даниила Заточника», Послание епископа Владимирского и Суздальского Симона к Поликарпу, черноризцу Печерскому и др. Кирилл Туровский, Даниил Заточник и другие писатели с этого времени заняли прочное место в русской литературе XII века. Издание было тщательно подготовлено. Ему предшествовала большая археографическая работа ученого, в результате которой были обнаружены новые списки памятников. Текст воспроизводился по древнейшим спискам (девять памятников были опубликованы по рукописи XIII века из библиотеки графа Толстого) с вариантами по более поздним спискам и старопечатным книгам. Можно было ожидать, что Калайдович, следуя своему принципу издания текстов, опубликует эти *древние* списки, максимально точно передавая текст. Но исходя из литературного характера памятников и рассчитывая на широкий круг читателей, археограф сформулировал новые принципы воспроизведения текстов. Для большей доступности в чтении древнерусские произведения изданы обычным шрифтом, с раскрытием титула, расстановкой знаков препинания. Сохранялись без изменения лишь славянская буквенная цифирь и написания имен собственных. Все памятники были снабжены обстоятельными комментариями. В предисловиях, сопровождавших публикацию памятников, Калайдович на основании тщательного анализа определил время их создания и авторов, отметил художественные достоинства произведений. Особенно много внимания он уделил характеристике сочинений Кирилла Туровского. Калайдович отождествил автора обнаруженных им 15 «слов» — «Кюрила недостойного мниха» с упомянутым в «Истории государства Российского» Карамзина Кириллом, епископом Туровским, определил место и время его жизни. Исследователь охарактеризовал Кирилла Туровского как самобытного русского писателя, «русского витию XII века», обладавшего высоким художественным мастерством, и представил «мыслящему читателю красоту выражений, в которую облек оратор поучительные слова свои».¹⁰⁰ На основании этой книги можно говорить о том, что Калайдович стоит у истоков изучения древнерусских письменных памятников как произведений литературных.

После выхода «Памятников» скептик М. Т. Каченовский, сомневавшийся в оригинальности творений Кирилла Туровского, видевший в нем лишь переводчика и даже простого переписчика сочинений византийских мастеров красноречия, поместил свои соображения в издаваемом им «Вестнике Европы».¹⁰¹ Он считал, что уровень образования и культуры в России XII века не соответствует появлению в то время такого писателя. Калайдович ответил ему статьей «В защиту творений Кирилла, епископа Туровского».¹⁰² Аргументация Калайдовича, основанная на

⁹⁹ См., например: Сын отечества. 1822. Ч. 75. № 2. С. 86—88.

¹⁰⁰ Памятники российской словесности XII века... С. XXXIV.

¹⁰¹ Каченовский М. Т. Памятники российской словесности XII века // Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 1. С. 44—57; № 2. С. 130—138 (подпись: М.).

¹⁰² Калайдович К. В защиту творений Кирилла, епископа Туровского (Письмо к редактору) // Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 6. С. 81—100. Ответ Калайдовича написан с почтением к своему учителю и оппоненту. Начинается письмо так: «Внимание, с которым Вы читали изданные мною *Памятники Российской словесности XII века*..., почитаю одною из лучших наград за труд мой. Ваши познания, ум проницательный и дух беспристрастия, отличительная черта критики, дают мне средства учиться и вместе благодарить Вас за такую рецензию. Сомнение Ваше — действительно ли *святитель Туровский* был творцом ему приписываемых *красноречивых поучений*? — происходит от желания открыть истину. Некоторыми доказательствами Вы хотите утвердить, что *Кирилл* был не *сочинитель*, а *переводчик*, или, и того менее, *переписчик поучительных слов древнейших святителей*. — Одно желание блага отечественной

конкретных исторических фактах и знании разнообразного рукописного материала, была солиднее и убедительнее аргументов его учителя. Он замечал, что можно найти много современников писателя, обладавших «и даром слога, и красотою ума». ¹⁰³ Утверждая самостоятельность и высокие художественные достоинства творчества Кирилла Туровского, Калайдович отстаивал тем самым и отрицавший-ся Каченовским высокий уровень духовного развития на Руси в XII веке, и возможность появления в это время «Слова о полку Игореве».

К. Ф. Калайдович сыграл выдающуюся роль в становлении отечественного славяноведения. ¹⁰⁴ В России в начале XIX века интерес к славяноведению только начинал зарождаться. Калайдович был хорошо осведомлен о научной жизни в славянских странах, со многими деятелями славянской науки и культуры он был лично знаком и находился в переписке. ¹⁰⁵ В 1822 году была опубликована статья ученого «О древнем церковном языке славянском», ¹⁰⁶ в которой рассматривался вопрос о том, на какой язык были переведены первые богослужебные книги. В статье рассматривалась история возникновения и развития старославянского письменного языка и его влияния на языки сербский, болгарский и русский. Статья вызвала возражения В. В. Капниста, ¹⁰⁷ которые были опубликованы вместе с ответами на них Калайдовича. ¹⁰⁸ В статье «О времени перевода нашей Библии» ¹⁰⁹ автор пришел к мнению, что перевод Библии принадлежит к бессмертным трудам Мефодия и отчасти Константина и относится к концу IX столетия. В «Прибавлении к статье „О времени перевода нашей Библии“» ¹¹⁰ ученый перечислил известные ему рукописи Библейских книг.

Самым значительным трудом Калайдовича в области славяноведения и в его творчестве в целом было сочинение, посвященное Иоанну Экзарху, болгарскому книжнику IX—X веков. ¹¹¹ Еще в 1813 году ученый открыл в московской Синодальной библиотеке сочинения выдающегося деятеля славянской культуры: переведенное им с греческого языка сочинение Иоанна Дамаскина «Богословие» и составленный Иоанном Экзархом из разных источников «Шестоднев», представлявший собой толкование первых глав Книги Бытия. Монография состоит из пяти глав и приложения. Первые две главы представляют собой исследование о формисловесности, то же беспристрастие и чувства истинного к Вам уважения дают мне право надеяться, что Вы благосклонно примете представляемые возражения.

¹⁰³ Там же. С. 99.

¹⁰⁴ См.: *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887—1888. С. 95—139; *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910 (репринт: М., 2003). С. 167—170; *Виноградов Г.* Первый русский болгарист // Сборник в чест на проф. Любомир Милчетич за седемгодишнината от рождението му (1863—1933). София, 1933. С. 591—621; *Козлов В. П.* Константин Федорович Калайдович и его труды по славянской литературе, истории и письменности // *Palaeobulgarica*. 1978. № 4. С. 83—92; *Цейтлин Р. М.* Калайдович К. Ф. // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 170—172 (статья содержит ряд неточных сведений); *Дилевски Н.* 1) Константин Фьодорович Калайдович (1792—1832) // Съпоставително езиковедение. 1982. № 5. С. 78—86; 2) Калайдович К. Ф. // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 207—209.

¹⁰⁵ См. об этом: *Козлов В. П.* Константин Федорович Калайдович и его труды по славянской литературе, истории и письменности. С. 88—90.

¹⁰⁶ *Калайдович К.* О древнем церковном языке славянском // Сочинения в прозе и стихах: Тр. ОЛРС. 1822. Ч. 2. С. 57—71.

¹⁰⁷ *Капнист В.* [Письмо к председателю ОЛРС А. А. Прокоповичу-Антонскому] // Там же. 1823. Ч. 3. С. 337—339.

¹⁰⁸ *Калайдович К.* В ответ на замечания В. В. Капниста о древности языка русского пред славянским // Там же. С. 342—348.

¹⁰⁹ *Калайдович К.* О времени перевода нашей Библии // Там же. С. 5—14.

¹¹⁰ *Калайдович К.* Прибавление к статье «О времени перевода нашей Библии» // Там же. С. 169—175 (подпись: *К. К-вич*).

¹¹¹ Иоанн, экзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. Написано Константином Калайдовичем, главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1824.

ровании и основных этапах развития славянских языков (сербского, болгарского и русского) и об их связях с языком старославянским. Калайдович отрицал гипотезу И. Добровского о сербском происхождении церковного славянского языка и видел корень славянского языка, общий для всех славян, в языке моравов. Собрав все известные в то время факты о возникновении славянской письменности, Калайдович на их основе показывал процесс перехода славянской культуры из Моравии в Болгарию, где преемником Мефодия стал современник болгарского царя-книголюбца Симеона Иоанн Экзарх, деятельность которого рассмотрена в последующих трех главах. В приложении к исследованию впервые опубликованы древнейшие письменные памятники славянской литературы, сохранившиеся в древнерусской книжной традиции. Среди них были извлечения из переведенного Иоанном, экзархом Болгарским, «Богословия» («Точного изложения православной веры») Иоанна Дамаскина по списку XII века, переведенная болгарским книжником «Грамматика» Иоанна Дамаскина, извлечения из «Шестоднева» Иоанна Экзарха по списку 1263 года из Синодальной библиотеки, Слово Иоанна, экзарха Болгарского, на Вознесение Господне по списку 1535 года, грамматический трактат «О осми частях слова» (авторство которого приписывалось в то время Иоанну Дамаскину, а перевод Иоанну Экзарху), отрывки из «Повести о разорении Трои», «О книгах истинных и ложных» и др.

В процессе работы над исследованием об Иоанне Экзархе Калайдович открыл болгарский сборник 1348 года, находившийся в то время в московской Синодальной библиотеке (ныне хранится в РНБ под шифром F.I.376). Он был переписан иноком Лаврентием для царя Иоанна Александра (1331—1371) и содержал древнейшие списки «Написания о правой вере» с именем Кирилла Философа в заглавии и Сказания о письменах черноризца Храбра.¹¹² Публикуя свой труд об Иоанне Экзархе, Калайдович дал краткие сведения о сборнике (он сообщил, что сборник был принесен с Афона), а также привел сказание Храбра по имеющемуся в нем тексту.

Следуя своему принципу, К. Ф. Калайдович по-разному издал источники разного времени. Произведения, имевшиеся в его распоряжении в списках по XV век включительно, он издал с сохранением не только правописания, но и титл, надстрочных и других знаков, а также букв, вышедших из употребления. Рассматривая все эти материалы как «богатый запас для филологов», ученый отмечал, что он «никогда не решился бы сохранить такой точности... если бы предмет самого сочинения того не требовал». Списки после XV века публиковались уже более упрощенно. Благодаря точности воспроизведения древних текстов публикации Калайдовича стали источником не только для исторических, но и для лингвистических и палеографических исследований. Этому же служили факсимильные изображения образцов почерков различных рукописей, инициалов и заставок, помещенные в приложении к исследованию, составленные Калайдовичем азбуки типичных начертаний букв. По богатству привлеченного нового материала и широким выводам это сочинение Калайдовича занимает одно из первых мест в ряду трудов русских ученых по славянской филологии, является «одним из краеугольных камней в истории литературного языка и истории древнейшей славянской письменности» (Л. П. Жуковская). Книга оказалась первым критическим изданием источников литературы и языка целой исторической эпохи и открыла широкие возможности для ее изучения. И в России, и в славянских странах книга Калайдовича вызвала широкое обсуждение.¹¹³ Эта публикация Калайдовичем древнейших письменных

¹¹² См.: *Кувев К. М.* 1) Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 117—121; 2) Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981.

¹¹³ Свод откликов современников на нее см.: *Кочубинский А.* Начальные годы русского славяноведения. С. 154—158. Н. П. Румянцев, получив от Калайдовича первый экземпляр исследования об экзархе Болгарском, написал ему, в частности: «Сей труд, за который я Вам премного благодарен, сделает Вас известным везде и всегда, определит вам отличное место между всеми вообще писателями нашего века» (*Бессонов. Материалы.* С. 74). Однако не все приняли

памятников славянской литературы стала, по выражению В. П. Козлова, вершиной археографического мастерства членов Румянцевского кружка. Не случайно на следующий год после выхода книги ученый был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Следующим трудом Калайдовича должно было стать, но, к сожалению, не стало, издание Изборника Святослава 1073 года, открытого им 10 июня 1817 года в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре.¹¹⁴ Сразу же после получения известия о находке памятника Н. П. Румянцев пишет А. Ф. Малиновскому о необходимости «не мешкав» приступить к изданию Изборника, «употребляя на то под руководством Вашим г. Калайдовича».¹¹⁵ Два года ушло на изготовление художником А. Ратшиным точной копии с Изборника, в октябре 1819 года она была отправлена графу Румянцеву в Петербург. После этого сразу началась подготовка к изданию. В декабре 1819 года Калайдович уже заключил договор с типографщиком С. Селивановским, но возник вопрос о том, как издавать рисунки, гравировать ли все, или ограничиться двумя-тремя и в каком именно виде печатать их. Вопрос о гравировании рисунков надолго затормозил дело издания Изборника. Калайдович тем временем сделал подробнейшее описание сборника, в котором отмечал важнейшие особенности орфографии рукописи.¹¹⁶ По этому поводу Калайдович вел переписку с А. Х. Востоковым, который использовал копию памятника, сделанную А. Ратшиным, в качестве источника для составляемой им грамматики церковнославянского языка по древнейшим памятникам. В процессе подготовки к изданию Изборника Калайдовичу удалось обнаружить, что открытый им памятник был известен старообрядцам еще в начале XVIII века и ссылка на него приведена уже в «Поморских ответах» («Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита»). Когда он уведомил об этом графа Румянцева, тот ответил ему письмом от 6 октября 1818 года: «Я всегда получаю и читаю Ваши письма с удовольствием. Они всякий раз утверждают мое особенное уважение к талантам Вашим и к тому искусству, с которым Вы имеете особый дар отыскивать древние памятники словесности нашей и объяснять их. Благодарю Вас за то, что дополнить изволили собственную свою находку Святослава сборника свидетельством об нем в „Поморских ответах“».¹¹⁷ В письме от 19 декабря 1821 года граф повторил свою просьбу к Калайдовичу приступить к изданию Изборника, а 22 января 1822 года обещал прислать список с него, выполненный А. Ратшиным для подготовки издания. Однако через два года издание Изборника было поручено Н. П. Румянцевым А. Х. Востокову, который в апреле 1824 года уволился с казенной службы и занялся по просьбе графа составлением каталога его библиотеки. Калайдовичу пришлось поздравить Востокова с той честью, которая до тех пор заслуженно принадлежала

сразу открытия Калайдовича. Й. Добровскому все эти открытия Калайдовича показались настолько новыми и неожиданными, что он, по словам И. В. Ягича, «не мог вполне освоиться с фактами, бывшими налицо... Он отнесся недоверчиво, например, к царю Симеону и Иоанну Экзарху, полагая, что эти лица не IX—X столетия, а позднейшего времени» (Ягич И. В. История славянской филологии. С. 169—170). Открытие видного литературного деятеля X века вызвало недоверие также со стороны Евгения (Болховитинова) и М. Т. Каченовского, находившего, что Иоанн Экзарх — сербский писатель XII века.

¹¹⁴ История находки и первой попытки издания Изборника подробно изложена Е. В. Барсовым в его предисловии к изданию памятника. См.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С греческим и латинским текстами / С предисловием Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа // ЧОИДР. 1882. Кн. 4. С. I—XXV. См. также: Розов Н. Н. Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция // Изв. Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28. Вып. 1. С. 75—78; Жуковская Л. П. Изборник 1073 г.: Судьба книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 5—31.

¹¹⁵ Барсов Е. В. Предисловие // Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С. III.

¹¹⁶ См.: РНБ. Ф. 328. № 112. Л. 3—4.

¹¹⁷ Барсов Е. В. Предисловие // Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С. VIII.

ему.¹¹⁸ По словам Е. В. Барсова, «без тени зависти и оскорбленного самолюбия приветствовал его Калайдович с этим важным и лестным поручением и спешил оказать ему свое ученое содействие в достойном его выполнении».¹¹⁹ В письме к Востокову от 14 июля 1824 года Калайдович писал: «Граф мне сказывал о новом порученном Вам труде, издать описание найденного мною Сборника Святославова. Сердечно радуясь, что сей подвиг принадлежит Вам, почтеннейший Александр Христофорович! Это настоящий подарок для ученого света! Но я имею основательные причины заключать, что копия, находящаяся в руках Ваших, не везде согласна с оригиналом, конечно, не в пропусках, но в буквах и знаках. Мне кажется, должно бы для большей точности вытребовать Вам рукопись в Петербург».¹²⁰ Востоков отвечал, что за издание Изборника примется не ранее, чем составит, хотя бы вчерне, каталог рукописей графа. Однако осуществить издание памятника Востоков не смог в связи со смертью графа Румянцева. Впервые Изборник 1073 года был издан фотолитографическим способом лишь в 1880 году.¹²¹

Одним из направлений работы Калайдовича было описание рукописей. В 1825 году вышло подготовленное им совместно с П. М. Строевым «Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора... графа Федора Андреевича Толстого». Библиотека насчитывала более тысячи рукописей. Описание ввело в научный оборот сотни неизвестных ранее произведений славянской письменности. Рукописи описывались в соответствии с поформатным хранением их в библиотеке, указывалось, на чем написана рукопись, почерк, время создания, имя писца, число листов, предлагалась постабейная роспись сборников. Предисловие к Описанию было написано Калайдовичем, в нем предлагалась классификация состава библиотеки, давалась характеристика летописей, хронографов, житий святых и других источников, впервые излагалась методика описания. По его же инициативе издание было снабжено палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. «Обстоятельное описание...» стало не только ценнейшим справочником по рукописной книге, но и методическим образцом на долгие годы для такого рода работ.¹²²

В конце жизни ученый работал над описанием московской Синодальной библиотеки. Еще в 1813 году Калайдович составил краткий каталог рукописей Синодальной библиотеки — лучшего хранилища того времени. О необходимости сделать полное и подробное описание рукописей этой библиотеки он написал в 1814 году Карамзину, а 10 декабря 1816 года графу Н. П. Румянцеву. Приступить к этой работе Калайдович, благодаря ходатайствам Н. П. Румянцева, смог только в марте 1825 года. Ответное письмо к Румянцеву от 22 апреля 1825 года свидетельствует о том, насколько серьезно подошел Калайдович к своей работе: «...почту себя несказанно счастливым, если <с>могу оправдать ожидания Ваши в открытии како-

¹¹⁸ В письме от 3 ноября 1824 года профессор российской словесности Виленского университета И. Н. Лобойко приветствовал графа Румянцева с удачным выбором издателя Изборника 1073 года, еще не зная об изменившихся планах Румянцева. «Господину Калайдовичу, — писал он, — принадлежит честь не только как ревностного и счастливого изыскателя славянских древностей, но и как первого основательного комментатора из российских ученых. Он обогатил изданные им памятники многими новыми открытиями и важными объяснениями в пользу славянской филологии, истории словесности и церковной. Видно также, что у него в руках есть много других достопамятных материалов, но всего важнее Изборник Святославов с рисунками и украшениями, а особливо изображением семейства сего князя. Я думаю, что г. Калайдович (после исследования об Иоанне Экзархе) ничего не найдет достойнее наших ожиданий, его талантов и покровительства Вашего Сиятельства, как сей драгоценный памятник» (см.: Там же. С. XI).

¹¹⁹ Там же. С. IX.

¹²⁰ Там же. С. XI.

¹²¹ В настоящее время Изборник 1073 года хранится в Государственном Историческом музее в Москве, в Синодальном собр., под № 1043/31д.

¹²² Козлов В. П. Роль К. Ф. Калайдовича в развитии методов научного описания исторических источников в первой трети XIX века // Советские архивы. 1975. № 2. С. 54.

го-либо древнейшего памятника нашей истории или словесности. Впрочем, описание производится с такою осмотрительностью, что не только статья историческая, ниже ни одна из мелких духовного содержания под особым заглавием не пропускаются в моем каталоге. Я сохраняю в точности послесловия писцов и разного рода приписки, заслуживающие внимания по каким-либо отношениям». ¹²³ Составленное ученым описание 101 рукописи Синодальной библиотеки в 1844 году было подготовлено к изданию В. М. Ундольским. В архиве Ундольского сохранились листы с пятью корректурами (см.: РГБ. Ф. 310. № 1412). Он же довел описание до 192 номера, но печатание работы завершено не было.

«Под наблюдением» Калайдовича печатался целый ряд книг его коллег. В 1815 году вышел подготовленный им к печати «Каталог писателей» Адама Селлия, переведенный Евгением (Болховитиновым). ¹²⁴ В 1821—1825 годах Калайдович по поручению Н. П. Румянцева осуществил редактирование и подготовку к изданию исследований известных авторов, членов Румянцевского кружка, — протоиерея Иоанна Григоровича, П. И. Кеплена, Д. Н. Бантыш-Каменского, Р. Ф. Тимковского. ¹²⁵ К некоторым из книг, печатавшихся под его наблюдением, Калайдович делал дополнения. ¹²⁶ Прекрасный знаток различных собраний рукописей и старопечатных книг, помнивший массу сведений о них, он постоянно помогал ученым своими знаниями и справками. Так, он доставил много материалов Н. М. Карамзину для «Истории государства Российского», ¹²⁷ щедро делился своими знаниями с В. С. Сопиковым при написании тем «Опыта российской библиографии» (СПб., 1813. Т. 1). ¹²⁸ Статья «О жизни и сочинениях В. С. Подшивалова» написана В. Измайловым, но основана на материалах, собранных Калайдовичем. ¹²⁹ Страстный любитель русских древностей, Калайдович после гибели его коллекции в 1812 году почти ничего не приобретал для себя, а доставлял находки в казенные или частные хранилища и при этом обыкновенно сопровождал их составленными им реестрами, каталогами, объяснениями, оценками. Иногда его комментарии были настолько обширны, что по существу становились целыми исследованиями,

¹²³ Козлов В. П. Малоизвестные письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 224. О тщательности подготовки Калайдовичем описания см. также: Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963. С. 35.

¹²⁴ Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю, сочиненный Адамом Селлием / Переведен в Вологодской семинарии. М., 1815.

¹²⁵ [Григорович И. И.] Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: Из древних русских летописей. М., 1821; Список русским памятникам, служившим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кепленом. М., 1822; История Малой России, сочинение Д. Н. Бантыш-Каменского. М., 1822; Белорусский архив древних грамот / [Изд. И. И. Григорович]. М., 1824. Ч. 1; Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия / Изд. проф. Р. Ф. Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М., 1824.

¹²⁶ К публикации своего учителя Р. Ф. Тимковского, к тому времени скончавшегося, Калайдович написал предисловие («Объяснительное предуведомление»), П. И. Кеплену представил описание ряда древних рукописей, исследование И. И. Григоровича о новгородских посадниках дополнил списком новгородских посадников (см. с. 295—306), в его же исследовании белорусских грамот уточнил датировку ряда грамот, существенно улучшил принципы передачи издававшихся текстов.

¹²⁷ В одном из писем Н. М. Карамзин пишет Калайдовичу: «Я не присвою себе Ваших открытий, а скажу публике, чем Вам обязана История» (Бессонов. Материалы. С. 112).

¹²⁸ Большая роль Калайдовича в подготовке «Опыта» отмечается всеми биографами Сопикова, по их словам, он непрерывно помогал автору своими советами и весьма обширными и ценными добавлениями, наводил для него справки, но осталось при этом в тени: имя Калайдовича как помощника в книге Сопикова не упомянуто. См.: Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и «Опыт» В. С. Сопикова // Советская библиография. 1973. № 6. С. 48—53.

¹²⁹ См. об этом: Летописец Димитрий. [Языков Д. Д.] Материалы для биографии и учено-литературной деятельности К. Ф. Калайдовича (по поводу столетия со дня рождения). С. 350.

где видна эрудиция ученого, тщательность источниковеда и палеографа. Обширная переписка Калайдовича с Н. П. Румянцевым, для которого он был незаменимым консультантом и посредником в приобретении раритетов, позволяет судить, насколько значительным был его вклад в формирование коллекции графа.¹³⁰ Подобную работу он выполнял и по поручению Общества истории и древностей российских, в которое через посредство Калайдовича по его представлению было сделано много пожертвований. При активном содействии Калайдовича русские коллекционеры, библиотеки ОИДР и Московского архива Коллегии иностранных дел приобрели свыше 370 рукописей, около 80 старопечатных книг и массу других исторических памятников.¹³¹

К. Ф. Калайдович был, по словам М. П. Погодина, «искренне преданный своему делу, горячий русский археолог, принесший великую пользу палеографии, нумизматике, библиографии и вообще всем частям истории». Характеризуя особенность его как ученого, Погодин отмечал: «Не обнимая истории в целом, Калайдович был любителем, знатоком, искателем частностей: рукопись, книга, камень, крест, образ, монета одинаково привлекали к себе его внимание и подавали повод к самым тщательным и подробным исследованиям. Он живя жил в библиотеках, рылся в рукописях с утра до вечера, посещал беспрестанно всех менял и серебряников, справлялся, записывал, исследовал, читал, работал без усталы в непрерывном движении, и открытия следовали у него одно за другим».¹³² Высоко оценивал заслуги Калайдовича его первый биограф П. А. Бессонов. Он отмечал признаваемую за Калайдовичем «*необыкновенную точность знания, совершенно отвечающую требованиям любимейших его предметов — русской археологии, библиографии и, в частности, палеографии*», *основательность его показаний*, «в силу которой почти ни одно из них не было подорвано последующими исследованиями», а также обращал внимание на «*величайшую быстроту умственной деятельности*» Калайдовича, сказавшуюся «в массе плодотворнейших разысканий и открытий, едва востимых в двадцать лет человеческой жизни (1810—1832)» и составляющих одно неразрывное и стройное целое.¹³³ А. А. Половцов подчеркивает, что Калайдович «обладал замечательным критическим дарованием и научною осторожностью, не переходившею, однако, в чрезмерный скептицизм; он обладал также способностью к обобщениям и широким выводам, оставляя в этом отношении далеко позади себя многих других членов „Румянцева кружка“».¹³⁴

Сообщая в 1832 году в некрологе о дате и месте отпевания К. Ф. Калайдовича, М. П. Погодин написал: «Почитатели покойного могут там отдать ему последний долг; клеветники и зложелатели попросить прощения у его праха».¹³⁵ Это была не просто фигура речи. Калайдович отличался самостоятельностью и принципиальностью как в научных вопросах, так и в личных отношениях со всеми. Последнее обстоятельство и было, по мнению А. А. Половцова, причиной натянутых отношений его с некоторыми современниками, в том числе с митрополитом Евгением (Болховитиновым) и П. М. Строевым. Известен неодобрительный отзыв о К. Ф. Ка-

¹³⁰ См.: Козлов В. П. К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1980. Вып. 41. С. 4—29.

¹³¹ Козлов В. П. Константин Федорович Калайдович и его труды по славянской литературе, истории и письменности. С. 86.

¹³² Погодин М. П. Судьбы археологии в России [Речь, произнесенная на первом русском археологическом съезде в Москве] // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 145. № 9. Отд. наук. С. 37—39.

¹³³ Бессонов П. А. Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк. С. 7.

¹³⁴ Лященко А. [Половцов А. А.] Калайдович Константин Федорович // Русский биографический словарь / Под наблюд. А. А. Половцова. СПб., 1897. Т. 8: Ибак-Ключарев; репринт с издания 1914 года: М., 1994. С. 391—394.

¹³⁵ Молва. 1832. Ч. 3. № 32. С. 125—126.

лайдовиче митрополита Евгения в письме к Н. П. Румянцеву. После выхода из печати в 1821 году «Памятников российской словесности XII века» митрополит Евгений в ответ на восторженный отзыв об этом издании графа Румянцева указывал на две, по его мнению, ошибки в нем, сделанные Калайдовичем якобы из желания противоречить ему (митрополиту Евгению) и поправлять историографа Карамзина, и заключил: «Хвастливость, догадливость и часто неверность сего любителя наших древностей давно всем известна».¹³⁶ Этот субъективный и несправедливый отзыв был, вероятно, продиктован обидой митрополита Евгения на Калайдовича за критическое отношение к его трудам. При подготовке к печати «Словаря светских писателей», порученной ему митрополитом Евгением в 1813 году, Калайдович по собственной инициативе собирал сведения об отсутствующих в нем писателях, с чем, вероятно, и связано отстранение его от этой работы. А после опубликования «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина» Калайдович написал Евгению письмо от 28 июля 1819 года, в котором подробно указывал на ошибки издания, а также на то, что от внимания автора укрылись Иоанн Экзарх, епископ Константин, переложивший в 907 году четыре слова Афанасия Александрийского, Кирилл Туровский «и многие другие».¹³⁷ В своей книге «Памятники российской словесности XII века», представляя открытые им сочинения Кирилла Туровского, Калайдович уже публично упрекнул преосвященного Евгения в том, что он «не поместил даже и имени его в числе духовных писателей греко-русской церкви».¹³⁸ К сожалению, неодобрительный отзыв митрополита Евгения о Калайдовиче, высказанный в связи с выходом «Памятников», был сознательно и с каким-то удовольствием растиражирован в печати. Прочтя опубликованную переписку митрополита Евгения с графом Румянцевым, Я. К. Грот написал о ней в своих путевых записках. Он отмечает «любопытные суждения» в переписке «о многих ученых современниках» и цитирует их, в том числе отзыв митрополита Евгения о Калайдовиче.¹³⁹ Н. П. Барсуков в письме к П. М. Строеву пишет: «Вчера в путевых записках Я. К. Грота... я с удивлением прочел, что Евгений не благоволил к Калайдовичу и в письме своем к гр. Румянцеву отзывается о нем довольно резко», — и приводит этот отзыв. Странным образом *отрывок* из личного письма Барсукова к Строеву, содержащий приведенное сообщение, был опубликован в конце журнала «Русский архив» за 1870 год.¹⁴⁰ М. П. Погодин, прочитавший в корректуре журнала это письмо, написал издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу: «Заметьте от меня г. Барсукову, что выписывать это для г. Строева, который нерасположен к Калайдовичу, как известно г. Барсукову, — не годится. Скажите, что я мою ему за это голову».¹⁴¹ Написал Погодин и Барсукову: «Я просил Петра Ивановича помыть вам голову за извещение Строева о дурном отзыве Евгения о Калайдовиче, но считаю избыточностию... пожурить вас еще. Движение нехорошее, которого об искоренении источника помолитесь в Казанском соборе. Вы знаете не-

¹³⁶ Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым. С. 54.

¹³⁷ Бессонов. Материалы. С. 108—109. Указание Д. Д. Языкова на то, что Калайдович добавил в издаваемый митрополитом Евгением «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви» биографии Луки Белгородского и Кирилла Туровского, а статьи о Несторе и Киприане пополнил важными сведениями, — ошибочно. Оно основано на письме Калайдовича к Евгению конца 1813 года, в котором автор пишет: «К Словарию Вашему я прибавил Луку Белгородского и Кирилла Туровского. Нестор и Киприан мною переделаны» (Бессонов. Материалы. С. 107). Однако дополнения, предложенные Калайдовичем митрополиту Евгению, последний не включил в свой Словарь. Вероятно, в 1813 году была договоренность о редактировании Калайдовичем обоих Словарей митрополита Евгения: и светских, и духовных писателей.

¹³⁸ Памятники российской словесности XII века... С. XXXIII—XXXIV.

¹³⁹ Грот Я. К. Из поездки в Воронеж // Вестник Европы. 1870. Кн. 11. С. 155.

¹⁴⁰ См.: Русский архив. 1870. Приложение, раздел «Письмо к издателю». С. 6—7.

¹⁴¹ Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 633.

расположение Строева к Калайдовичу. Что же — вы хотели принести ему удовольствие бранью покойников? Не хорошо, не хорошо! Покайтесь!»¹⁴²

Не вникая в причины сложных отношений Калайдовича и Строева, скажем только, что они — самые видные из молодых ученых, начавших деятельность в Архиве при Румянцеве, почти ровесники (Строев был младше Калайдовича всего на четыре года), соавторы и невольные соперники — были очень разными, даже противоположными по характеру и отношению к своим научным занятиям. Е. В. Барсов так характеризует того и другого: «Калайдович — человек нервный с творческим дарованием, страстно преданный интересам знания, доброволец патриот 1812 года... пытливый и увлекающийся, способный к искренней дружбе и самоотверженным услугам; он не довольствовался в своей кипучей деятельности лишь механической ученой работой, но в каждый труд свой вносил свою душу, придавал ему характер исследования и освещал его лучом высшего знания. <...> Услуги его для русской науки непререкаемы... Строев был человек противоположного направления и характера: работавший неустанно и знавший себе цену, наиболее сосредоточенный на самом себе, он стремился завоевать самостоятельное значение в тогдашнем историко-археологическом движении и в своей деятельности был *Археограф* по преимуществу. Его рукописное собрание указывает в нем великого знатока русской истории, а его описания рукописей по своей точности и полноте донныне могут служить образцом подобных работ в этом отношении».¹⁴³

Еще в конце 1827 года К. Ф. Калайдович получил разрешение на издание журнала «Русский зритель», в котором, в частности, намеревался знакомить публику с накопившимися у него за четверть века разнообразными документами, из которых лишь малая толика стала достоянием науки. Последовавшая болезнь помешала Калайдовичу осуществить задуманное. Однако известные московские литераторы и историки поддержали идею содержателя университетской книжной лавки А. С. Ширяева коллективно издавать журнал «Русский зритель».¹⁴⁴ Всего в издании журнала принимало участие десять литераторов. Наиболее велик был вклад историка М. П. Погодина, который, сообщая в конце шестого номера о завершении своей редакторской работы, в кратком обращении к читателям написал: «...я почитаю себя счастливым, что мог сим показать на деле мое уважение к К. Ф. Калайдовичу, оказавшему столько блистательных и полезных услуг древней нашей истории и филологии. Желая, чтоб публика разделила со мною мои чувствования».¹⁴⁵

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Барсов Е. В. Предисловие // Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными. С. IV—V.

¹⁴⁴ Издавался в 1828—1830 годах.

¹⁴⁵ Русский зритель. 1828. Ч. 2. № 6. С. 136.